

Эзотерический бестселлер

том
IV.

Александр **Рей**

В ПОИСКАХ

НА
СТ
О
ЯЩ
ЕГ

16+

Александр Рей

В поисках настоящего

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Рей А.

В поисках настоящего / А. Рей — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-5321-1473-9

Два героя. Два мира. Две судьбы. Что реально, а что выдумка? Кто живой, а кто на грани? Глубокий, пропитанный повседневным мистицизмом роман Александра Рея уведет далеко за пределы привычного взгляда на мир. Что вас ждет? Глубокие размышления о предназначении человека и последствиях отказа следовать его зову. Обложка авторская!

ISBN 978-5-5321-1473-9

© Рей А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Проводник	6
Глава I. Мальчик	13
Глава 2. Дух здания	23
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

- А мне кажется, что Вы понапрасну теряете время, – сказала Алиса.
- Как бы не так! – возмутился Шляпник. – Время не потеряешь... Не на того напали! Взяв заварочный чайник, Шляпник налил из него в чашку мышь, что сонно встрепенулась:
- Конечно, конечно! Я с вами полностью согласна, – чтобы тут же вновь уснуть.
- Ты со Временем, небось, никогда и не разговаривала? – встрял в разговор Мартовский Заяц.
- Хотя я и не разговаривала, – Алиса стояла на своем, – но зато никогда не задумывалась, как убить время.
- Шляпник, Заяц и Мышь от ее слов оцепенели от ужаса, затряслись, скукожились, не переставая боязливо оглядываться на сотни часов, грозно тикающих позади них.
- Время этого не любит, – прошептал Шляпник.
- Вот! А с нами оно поссорилось, – подхватил Мартовский Заяц.
- И теперь у нас все время шесть часов.

*м/ф «Алиса в Стране Чудес»,
Киевнаучфильм, 1981*

Упущенные шансы, недосказанные слова, нереализованные желания или несовершенные поступки никуда не уходят, дожидаясь, когда кто-нибудь, наконец-то, поставит точку. И даже когда придет Конец Времен и ВСЕ обратится в НИЧТО, останутся лишь наши незавершенности, одиноко болтающиеся в пустоте бесконечного ожидания...

Глава 1. Проводник

Via est vita.

Жизнь – это дорога.

Пока сижу на крыше, солнце уже три раза успевает расцвести и угаснуть. Кому-то это может показаться чересчур, но по мне – в самый раз. Главное – я получаю огромное удовольствие, наблюдая за передвижением огненного диска по небосклону и мерцанием звезд в ночи.

Ну, конечно же, приходится периодически спускаться. Попробовал бы хоть кто-нибудь остаться под солнцем в такое пекло – с ума можно сойти. Это – во-первых. Во-вторых, любой разумный человек догадается, что мне необходимо питаться (не святым же духом, в самом деле) и ходить в туалет (понимаю, что никто не увидит, но все же).

Поэтому сейчас, когда солнце принялось добросовестно пылать, изводя ультрафиолетом, я встаю, надеваю плавки, собираю прилежно спрессованные мною алюминиевые банки-блинчики из-под «Доктора Пеппера» и, зажав свободной рукой нос, с разбега ныряю «солдатиком» в соленые изумрудные волны.

Немного поборовшись с плотью воды, выныриваю у самой лестницы и, зацепившись рукой за нижнюю ступеньку, почти касающуюся океанской глади, бросаю мусорный пакет в тамбур. И только затем с небольшим усилием забираюсь туда сам. Пробежав по давящему духотой вагону, спасаюсь бегством в своем купе. Здесь меня ждет кондиционер (Благослови его, Господи!), банка холодного (после коридора кажущегося ледяным) любимого напитка и интересная книжка. Правда, еще не знаю, какая: ведь старую я уже прочел, а новая еще не появилась). Оказывается, «Почерк Леонардо» Дины Рубиной. Но, несмотря на интригующее начало, я, разморенный жарой, погружаюсь в благословленный кондиционером сон.

Проснувшись и наскоро перекусив, вооружившись веником и тряпками, начинаю ежедневную уборку вагона. Старт беру с тамбура и коридора. Пройдусь по всем купе и уже в последнюю очередь почищу туалеты. И все... Я свободен на весь оставшийся свет и тьму! Опять могу лезть на крышу, захватив с собой снесь и напитки, книжку и магнитофончик-бумбокс, чтобы заняться своим любимым делом – лениться.

Как раз подстраиваясь под мой распорядок, солнце перестает нещадно жечь, и уже ничто не стоит на моем пути. Стянув плавки и вытянув длинные ноги, могу поджаривать тело, придавая ему равномерный аппетитный оттенок «а-ля курочка гриль», ненадолго прерываясь лишь для того, чтобы в очередной раз нырнуть в прохладную синеву. Блеск!

Я сижу на крыше моего вагона уже три полных солнечных цикла. А значит, уже в третий раз я могу наблюдать, затаив дыхание, последние лучи уходящего солнца.

Божественно красивый, расцвеченный яркими красками закат, слепящий и целующий душу, околдовал, заморозил, увлек. Золотисто-оранжевые оттенки среди спокойного океана – что может быть лучше? Что?

Отраженные в маленьких волнах дети уходящего светила сливаются с монолитом океана. Оборачиваясь ковровой дорожкой, она приближается к самым ногам. Хочется, доверившись ощущениям, шагнуть на нее и посмотреть, куда же все-таки ОНО манит – огромное, теплое, дающее жизнь... Солнце.

Уже третий цикл света и тьмы, неподвижно возлегая на крыше поезда, следующего по маршруту «Ниоткуда–Никуда», я смотрю на блистательный закат и пытаюсь в очередной раз хоть что-нибудь понять или вспомнить, мучая себя вопросами.

Если бы я решил кому-нибудь поведать о тех безмятежных днях. Кому-нибудь, кто не имеет ни малейшего представления обо мне. Он или она, я уверен, ничего не смогли бы понять из моих слов. Это точно.

Сначала я лежу на крыше. Потом, когда становится невыносимо жарко, ныряю в океанские воды. Оттуда – напрямик отсыпаться не куда-нибудь, а в вагон поезда. Уборка. И уже в конце – гулять по дорожке заката.

Со стороны послушать – полнейшая чушь!

Но это лишь для того, кто мыслит стандартными мерками – поземному. А я – за переделами Земли, и это стало мне понятно довольно давно. Откуда? Да просто догадался!

Конечно, будь я хорошим рассказчиком, уважающим своих слушателей и их «земную логику», точно бы не начал с тех трех, проведенных посреди океана дней. Стоило поведать все с самого начала, последовательно излагая события, собрав их в единую логическую цепочку. Но, во-первых, рассказывать некому. А, во-вторых, как по мне, так те океанские воспоминания действительно достойны внимания.

Хотя (с другой стороны), пожелай я начать с самого начала, то о чем, собственно, говорить? О каком таком «начале», если его попросту нет? Чем все закончилось, я знаю. А с чего началось? Сколько помню себя, столько я проводник в этом вагоне. Все просто! Я есть проводник. Проводник – это я. Вот так.

Вагон в моем распоряжении – самый что ни на есть обычный. Длинный, устланный ковровой дорожкой коридор соединяет два тамбура, а между ними – девять купе. В каждом – по четыре койко-места. Два туалета, душевая. Окна украшены всегда безупречно чистыми занавесочками. И (самое главное) – прямо напротив всегда раскаленного «Титана» – мои личные апартаменты: купе проводника с двумя койками, маленьким холодильником и микроволновкой. Есть даже полка, где вполне смогут разместиться с десяток пухлых томиков. Но свободное место здесь расходуется нерационально. Там неизменно лежит одна-единственная книга.

Лишь дочитав очередной роман или сборник, обнаруживаю на его месте совсем другой – достаточно лишь положить книгу на полочку-самобранку. Со стороны это выглядит, будто полка сама знает, когда книга мной прочитана, а когда нет. Я даже экспериментировал – положив книгу, отводил взгляд всего на секунду, и... Опля! Уже новый фолиант занимал исходную позицию. Причем с недочитанными книгами этот фокус не проходит. Слава Богу, тот, кто составляет для меня, так сказать, «рид-лист», чутко улавливает мои вкусы и еще ни разу не подsunул какую-нибудь ерунду.

Что-что? Самопооявляющиеся книги – странно? «Ничего подобного, – отвечу я. – Все познается в сравнении!»

Сопоставив книготелепортацию со всем остальным, что является моими серыми буднями, Вы сочтете ее ничтожной козявкой рядом со слонем. Книги и, соответственно, полка-самобранка – всего лишь мизерный штрих! Как, впрочем, и обожаемый холодильник с невесть как образующейся провизией (все по тому же принципу: закрыл – открыл – готово)... И подставка для компакт-дисков с бесконечно обновляющимся калейдоскопом исполнителей. И даже (извиняюсь за подробности) туалет, с которым я тоже долго проводил опыты, пока не смирился. Потому что привыкнуть к такому нельзя!

И так постоянно! С каждым разом я узнаю все больше нового о вверенном мне вагоне. Точнее, о моем вагоне! Ведь он – мой. И никуда от этого не денешься. Правда, не денешься. Уже сколько раз пробовал!

Где-то я прочел, что даже из самой безвыходной ситуации есть, как минимум, три выхода. Так вот, в моем случае это утверждение совершенно неуместно. Мой вагон преследует меня. Или я его? Черт! В общем, я еще не до конца разобрался. Суть в том, что я не могу от него сбежать. Причем как от поезда в целом, так и от моего вагона. Перейдя из тамбура в дверь, ведущую в соседний вагон, я неизменно попадаю опять в свой же вагон. И неважно, в каком

направлении я двигаюсь. По сути, я могу бесконечно идти в одну сторону, переходя из вагона в вагон, и неизменно – все двери купе открыты нараспашку (как и положено), мусорница пуста (кстати, тоже самоочищающаяся), а в каюте проводника лежат все мои вещи строго как попало: именно так, как я их, покидая рабочее место, и оставлял, специально запомнив расположение. То есть, без сомнений, – снова и снова – мой вагон!!!

Я нашел полезное применение данному феномену. Когда окружающие ландшафты не позволяли заниматься бегом (как, например, тогда, посреди океана), или когда поезд упрямо не желал останавливаться в течение многих световых циклов, а размяться очень хотелось, только и оставалось бегать по вагонам – успевай лишь двери открывать! Удобно это, в первую очередь, тем, что не нужно рассчитывать силы – бежишь себе без проблем, пока не устанешь. А как надоест – просто останавливаешься. Ведь в любом случае оказываешься дома, в родном вагоне. Как-то я два часа кряду пробегал, а мои вагоны так и не закончились. Интересно, это какой длины поезд получится? Снаружи дела обстоят немного сложнее, но, в принципе, результат тот же.

Поезд. Хотя и поездом-то его назвать толком нельзя, так как у поездов обязательно должен быть локомотив. В моем случае его нет и в помине. Поэтому правильнее будет сказать «состав». Итак, мой состав представляет собой цепь надежно скрепленных вагонов. Кроме моего, находящегося ровно посреди, существует еще десять вагонов – пять в одну сторону и пять в другую. Хотя фраза – «помимо моего вагона» – не совсем соответствует действительности.

Как можно догадаться, немного поразмыслив, соседние вагоны, также являются моим вагоном. И если выйти на улицу и пройти (хочешь налево, хочешь направо) до следующего вагона, а затем взобраться по решетчатым железным ступеням в тамбур, то сразу станет понятно, что находишься в том же самом вагоне, откуда только что вышел. На одной из холодных серых стен красуются когда-то кем-то выпарапанные на память: «Костя – Адлер – СУПЕР!». Причем безразлично, в какой по счету вагон заходить (третий, девятый или седьмой; первый или последний): результат всегда один и тот же. Вопреки здравому смыслу, я оказываюсь в своем вагоне исключительно посреди состава!

Убегать в сторону от моей вечной обители смысла тоже нет, потому что все происходит аналогично. В какую бы сторону я ни бежал, оставив позади уходящие в бесконечность рельсы, как только они скрываются за горизонтом или деревьями (в зависимости от той местности, в которой состав решил отдохнуть), впереди начинают виднеться очертания одинаковых, как братья-близнецы, вагонов. Все происходит так, будто я нахожусь на малюсенькой планете, и, куда бы ни побегал, все равно наткнулся на ожидающий меня состав. Мне даже представляется целый мир, исполосованный железнодорожными путями на одинаковом расстоянии друг от друга. Если задуматься, как это все устроено, сразу мозги набекрень, а голова начинает гудеть. Тяжко целый мир уместить в голове одного человека.

В общем, так и живу! Одиннадцать вагонов и все, как один – мои. Правда, без тепловоза. Да он и не нужен – поезд ведь как-то движется. Но думать, как именно, вовсе не хочется. Я уже давно понял, что многое мне понять не дано – лучше просто принимать как должное. Что я с успехом и делаю, хотя иногда продолжаю экспериментировать.

Познавать окружающий мир вокруг иначе, кроме как опытным путем, возможности нет. Ведь мне вообще никто ничего не объяснял. Кто я? Что я здесь делаю? Почему проводник? Каким образом меняются книги на полке и еда в холодильнике? И вообще, почему все происходит так, как происходит, а не иначе? На все эти вопросы еще предстоит ответить... Самому. Потому что спросить, в общем-то, не у кого.

На моем вагоне (как и на всех прочих) снаружи, приблизительно посреди, висит длинная белая табличка, служащая указателем маршрута следования. А поезд движется, судя по идеальной белизне таблички, из пустоты в пустоту. Там, где должен значиться пункт отправ-

ления – пустое место, затем идет жирный дефис (или тире, я не разбираюсь), чтобы вновь закончиться пустотой.

Каждый раз, когда я смотрю на эти пустоты, вместо которых должны быть какие-то названия населенных пунктов, мне до рези в зубах начинает хотеться... Очень-очень хотеться, чтобы на табличке что-нибудь было написано. Что – не знаю. «Самара – Рязань»? «Питер – Москва»? «Лондон – Воркута»? Не знаю.

Непонятно зачем, наверное, чтобы справиться с этим диким желанием, я попытался заполнить промежутки в табличке, написав названия каких-нибудь городов. Но всегда стирал, потому что они там попросту не смотрелись, будто эти пустоты отведены лишь для двух конкретных городов. Словно шифр такой – если я его подберу, вспомню или узнаю, какие именно названия должны там значиться, то смогу... Смогу... В общем, понятия не имею что будет дальше, но что-то будет обязательно. Должно быть!

Движение «из ниоткуда в никуда» – все равно, что топтание на месте. Топ-топ-топ.

В принципе, то, что я делаю, то, чем занимаюсь, мне нравится. «В принципе» – то же самое, что и «почти». То, чем я занимаюсь каждый день, как живу – мне нравится. Почти. Почему «почти»? Чего мне не хватает для полного счастья? Я уже думал над этим. Благо, было когда.

Со стороны может казаться, что я бешусь с жиру. Вроде бы всего хватает, а мне мало. Может, оно конечно и так, но... Не скажу, что все нужное у меня есть. Необходимое – да.

Вот, например, холодильник. Он всегда полон и, как источник с живой водицей, пока что иссякать не собирается. У меня есть возможность благодаря этому маленькому чуду получить все, что душа пожелает. Я еще давно заметил, что продукты, образующиеся в холодильнике, – именно те, которых мне хочется. Они, как книги или музыка, полностью подстраиваются под мои вкусы.

Иногда, когда живот лишь только-только начинает попрошайничать, я исподволь начинаю задумываться: «Чем бы подкрепиться?» Обычно еще сам толком не успеваю подумать, как было бы здорово впитаться зубами в сочную, исполненную аромата специй куриную ножку вприкуску с жареной картошкой, приправленной зеленой смесью перьевого лука, кинзы, укропа и чеснока, как оказывается, что готовое блюдо в томлении дожидается меня за маленькой железной дверкой. Ну разве не чудо? Думаю, кто угодно захотел бы себе подобную вещь.

И это я еще о хлебе не упоминал! Свежий, ароматный и, конечно же, горячий, будто только что из печи – рот наполняется голодной слюной от одного вида. Горячий хлеб из холодильника – нет, ну разве не маразм?!

Так что с едой у меня – никаких проблем.

Или если коснуться моего пристанища. Такое ощущение, что все в вагоне сделано под меня. Я сам по себе немаленький, но кровать еще больше – ровно такая, чтобы я как-то умудрился в ней разместиться (и очень даже неплохо). Проходы в коридоре и купе такие, что я великолепно прохожу в них, даже не стучаясь головой (и еще около двух сантиметров остается про запас). Над умывальниками не приходится скрючиваться в три погибели, а расстояние между стеной и туалетом такое, что мои колени не упрутся.

Получается так, что все мое окружение, весь мой быт мало того, что не напрягает, так еще и радует! Этот вагон – будто дом родной! Именно так я его и воспринимаю.

А если рассмотреть мои обязанности, то тут уж точно жаловаться не на что. Все, что я должен делать и в чем заключается моя служба, можно пересчитать по пальцам. Если быть точным, то по трем.

Большой палец – пока солнце озаряет меня, я убираю каждый вагон, каждый уголок, каждую пылинку, чтобы все сверкало. В темное время этим заниматься нельзя. Обычно с уборкой я справляюсь достаточно быстро, так что она даже не успевает надоесть.

Указательный палец – как только вагон остановился, я должен открыть дверь на улицу и опустить лестницу, предварительно протерев тряпкой все ручки, за которые полагается держаться при спуске. Выполнять эти обязанности мне также не трудно, а даже радостно, потому что поезд делает остановки довольно редко. В основном, я нахожусь в дороге и, конечно же, радуюсь каждому предоставленному случаю оказаться в новом месте. А места бывают разные. Ох, разные!

Средний палец – я должен разместить в обозначенном купе каждого, кто предъявит мне билет с номером моего вагона и пунктом прибытия. Ну, насчет этого мне вообще волноваться нечего – еще ни разу я не видел не то чтобы потенциального пассажира, какой-нибудь живой души, но и вообще следов присутствия других людей. Так что катать мне, увы, некого. Но пункт я этот выполнить обязан, конечно, если такая возможность вообще когда-нибудь подвернется.

Мне есть где спать, есть что есть, еще и работенка нравится – разве не сказка? Сказка, в принципе.

Мне нравится, как я живу, что делаю, да и вообще, жить здесь и сейчас неплохо... ПОЧТИ! Меня съедает изнутри незнание того, для чего или хотя бы для кого я это все делаю?! Кому оно надо?! Куда ведет мой путь?!

Эта бесцельность омерзительна. Одного лишь бессмысленного движения недостаточно. Не верю, что хоть кто-нибудь смог бы спокойно жить на моем месте – имея все необходимое для жизни, кроме понимания ее смысла.

Во мне все время сидит вопрос, противной занозой требуя внимания, даже когда я отвлекся и не думаю о нем. «А что дальше? Дальше-то что?!»

А дальше пока – ни-че-го.

Какой-то смысл, хотя бы какой-нибудь, я тщетно пытался найти в редких остановках. Когда с замиранием сердца открывал дверь, ведущую наружу, и опускал лестницу. Когда ждал пассажиров, которые. Ведь знал же, что не появятся, но все равно надеялся.

Такое же чувство, будто звонишь куда-нибудь и хочется, чтоб подняли трубку, а сам понимаешь, что рано звонить. Что еще там, куда звонишь, никого нет. Или уже поздно и все разошлись по домам. Это понимаешь, но все равно глупо, по-детски надеешься на везение, на случай, на Бога – «А вдруг!»

Долго пытался найти хоть какую-то для себя опору или горящий на горизонте маячок, но понял – здесь нет смысла, как нет и логики. Само мое существование нельзя вписать в какую бы то ни было систему. Я живу среди абсурда и хаоса. Более-менее упорядоченного, но все же хаоса.

Смысл лишь один – на закате, лежа в своем купе, слушать убаюкивающий перестук железных колес, как аккомпанемент из колонок бумбокса. Слушать и слышать, как звуки превращаются в напевы матери, склонившейся над колыбелью. Чувствовать, как мелодия становится частью твоей жизни, помогая примириться с абсолютным безлюдьем и абсурдностью мира, где реальна лишь железная дорога, бесконечно ползущая вперед.

Вот как-то так: просто живи, покачиваясь в такт вагонному перестуку. Вот и весь смысл.

Как-то на подставке для компактвтов нашел диск – просто какой-то сборник электронной музыки. На нем из всех композиций особенно приглянулась одна. Даже не знаю, чем именно. Просто она, словно моя жизнь, наполнена пульсом железных колес. Я бы даже этот трек назвал гимном моих будней. В нем тоже выискался какой-то смысл. Под эту музыку здорово смотреть в окно – на удивительное разнообразие летящих пейзажей, на такой удивительный мир. Под Solaris Heights все увиденное становится необычным, нереальным, загадочным.

Бывает, могу не пойми от чего проснуться и лежать, прислушиваясь к ощущениям, что зарождаются в ответ на льющуюся мелодию (всегда перед сном ставлю диск на повтор). Затем

медленно разомкнуть веки, и так же медленно, чтобы (не дай Бог) не спугнуть сон, сесть на кровать, приоткрыть рукой занавеску, застав за окном беспросветную тьму.

Открытое взгляду свидетельствует: я нахожусь где угодно, но только не в обыденной реальности.

Синие сумерки разбавлены кефирным туманом, что единой пеленой склеивает редкие деревья. Вязкая белая жижа словно засасывает клочки ночи, готовя место спешащему солнцу. Я, слившись щекой с прохладным стеклом, лениво и сонно гляжу в плывущую темноту. Даже не верится, что ко всему этому можно прикоснуться, потрогать шершавую кору деревьев. Запустить ладошки-лодочки в туман, и, зачерпнув пригоршню белой прохлады, умыться ею. Даже не верится! Как заклинание, ворожат мелодия и стук колес.

А когда мстительная природа начинает резать несущийся поезд острыми дождинками, оставляя на стекле тонкие полоски-шрамы, я чувствую, как на моей щеке, слившейся воедино с оконной прохладой, появляются все новые и новые порезы.

Сидеть вот так в темноте, прижавшись к холодному стеклу и слушать, как говорит со мной поезд – ...Тук-тук... Тук-тук... – наверное, в этом весь смысл.

Остановка – дело достаточно редкое, если вообще не исключительное. Чаще всего между ними лежит безмерная пропасть сменяющих друг друга круговоротов света и тьмы.

Как по мне, так лучше уж ехать вовсе без остановок. Потому что все равно в них нет смысла – ведь никто не заходит! К тому же, мне больше нравится трястись на стыках, чем тупо стоять. Стук колес для меня стал родным, вьелся в кожу и засел глубоко в голове. Без него начинаешь чувствовать себя неуютно. Но, видимо, меня никто не спрашивает.

Стоянки бывают разные. Иногда я только успеваю спуститься на твердую почву, как неизвестно откуда раздастся гудок, сигнализирующий об отправлении, и тогда нужно «смаывать удочки». Стоит лишь взобраться в тамбур, как, пройдясь судорогой по вагонам, состав начинает движение. В других же случаях они могут продолжаться неизмеримо больше и даже надоедают. Большие остановки я использую для проведения экспериментов с вагоном.

Места стоянок тоже бывают самые разные – от болот и полей до горных вершин. Как-то раз я открыл входную дверь – и в лицо стал бить пригоршнями снега ледяной ветер, а под ногами разверзлась бездонная пропасть. Помню, поезд там простоял до рассвета, а я все думал о том, как буду падать в эту бездну. Ужас!

Я успел насмотреться на всякое. Но единственное, чего не доводилось встречать – это хоть какие-то признаки живых существ. Не то, чтобы человека – даже банальной белочки или вороны не видел! Ни домов, ни гнезд, ни дорог, ни троп – абсолютный ноль! Так что приходится довольствоваться общением с природой, чем я, собственно говоря, и занимаюсь.

Жаль! Редко так везет, чтобы посреди теплого океана! Да чтобы ни облачка на небе! Да целых три заката подряд!

И все же, любуясь этой красотой, чувствую себя отвратительно и мерзко! Не могу перестать думать: что будет, когда поезд вновь издаст тревожный клич и ринется в путь – опять трястись, не зная, зачем и куда?! От одной мысли об этом тошнит.

А еще во время последней уборки я заметил в одном из тамбуров пятно ржавчины. В прошлый раз его там не было. Я смотрел на него, иступленно пытаюсь понять, откуда возникла уверенность, что это ржавое пятно – то же самое, что грызет меня изнутри. Как если бы вагон и я, каким-то образом были связаны. И эта бездушная махина могла чутко реагировать на все, происходящее со мной.

Я стоял на коленях с тряпкой в руках. Хотелось реветь. Но я зачем-то сдержался. Зачем? Ведь все равно никто не увидит. Наверное, решил побыть сильным. Чушь! Чувствую себя водой в гниющем болоте – застоявшимся без движения. Мне нужно... Я хочу...

Свет и тьма сменяют друг друга. Реки, мимо которых доводится проезжать, стремительно несутся к невиданным морям. Облака монотонно ползут по небосклону. И лишь я на месте. Даже не могу отчетливо представить настоящую скорость – но лишь прислушиваться и чувствовать. Это – словно воздух, вырывающийся из легких; словно кровь, струящаяся по венам; словно мышцы, напрягшиеся для рывка – все вокруг в движении. Лишь я один вне этого.

Я застыл. Я – камень, блеклый гранит, уже третий солнечный цикл расположившийся на крыше своего вагона, что зиждется на скатерти океанских волн, и любующийся закатом.

Глава I. Мальчик

Уже третий день кряду мальчик приходил в это странное место дожидаться заката. Почему-то именно здесь, в окружении развалин, он чувствовал себя так спокойно, как не получалось даже дома. Будто под защитой, которой так не хватало! Стоило лишь войти – и тело наполнялось легкостью; внутри образовывалась приятная пустота, а тревоги уходили прочь.

К тому же это было единственное место в деревне, где можно побыть в одиночестве. Местные называли его Мертвым Городом и считали запретным, приписывая мистическую силу. И вполне понятно почему.

Ровно посреди маленькой площади в окружении полуразрушенных и почти ушедших в грунт саклей, находился огромный булыжник цвета мела с отполированной до блеска поверхностью. Странно было само по себе, как природа могла создать такую идеальную округлость. Вдобавок, он всегда оставался теплым. Несмотря на пронизывающий до костей ледяной ветер, этот огромный (в половину роста взрослого человека) валун своевольно дышал теплом, словно живой. А сейчас, на излете осени, когда шквал еще более ожесточился, на согревающем душу и тело камне сидеть было особенно приятно. Казалось, этот жар и в самом деле не принадлежал миру людей. Но это не волновало: он просто искал одиночества.

Мальчик давно заметил, что, если долго сидеть на булыжнике, без конца думая о своей жизни, а потом о планах, о будущем, а затем еще о чем-то, а потом и еще... И еще... Размышляя, пока все мысли не будут обдуманы и выжаты, будто виноградный сок, а внутри останется лишь пустота. Вот именно тогда можно просто сидеть и впитывать глазами, как на видео-ленту, окружающее. Именно в этот самый момент зарождается ощущение, что белый шар и слившееся с ним тело одинокого мальчугана – и есть центр. Центр Земли, Вселенной, равновесия – маленькая белая точка в окружении тьмы.

Еще он без усталости мог любоваться открывающимся с каменной вершины видом, который вполне мог оказаться самым красивым в мире. Плато (фундамент Мертвого Города) находилось на пути к высокогорному леднику и возвышалось над рекой более, чем на полсотни метров. Отсюда можно увидеть все: и уходящие вдаль горные хребты, и ползущую внизу дорогу с деревней, раскинувшейся вдоль, и здание санатория.

Дозорные башни (высокие каменные сооружения, когда-то служившие предкам) располагались, словно рамки картин – разграничивая видимое на совершенно разные, противоположные друг другу миры.

Первый мир, что левее, – это родная деревня сорванца, где он прожил все свои недолгие годы. Селение всего в одну улицу бесцветной гусеницей ползло вдоль дороги, ведущей дальше, в ущелье Кобань – место множества туристических баз. Большинство и жило, продавая туристам кто баранину, кто водку, а кто – вязаные свитера.

Вот так, как на ладони, вся жизнь мальчика – серое шоссе, изъеденным ямами асфальтом ведущее ввысь, в горы; около пятидесяти слившихся с дорожной пылью одноэтажных домишек да ненавистная школа, переполненная абсурдными правилами и законами.

Там, внизу, все блеклое, словно покинутое душой тело. Ледяной ветер носит вдоль дороги тягучее время. И, кажется, что сама жизнь уже давно покинула это место.

Единственное, по чем можно догадаться, что перед мальчиком – настоящее село, а не искусно сделанное фото – бурлящая среди острых валунов река, рожденная высоко в горах и спешащая вниз к Большому Городу. Такая же серая, как и все здесь, она шумит день и ночь. На протяжении всей жизни, с самого рождения, мальчик слышал этот шум, похожий на звук водопада. Всегда (весной громче, осенью тише) река шумела, создавая иллюзию движения, мираж бытия. Мчащаяся вперед вода как будто пыталась разбудить вечно сонных, закутанных

в толстые свитера из овечьей шерсти людей. Сонных стариков, сонных детей, сонных мужчин и женщин. Но все без толку – вот уже столько веков ничего из этого не выходило.

Все кругом дремали. Жизнь не отличалась ото сна, а сон – от жизни. Люди жили, все глубже сливаясь с холодной серостью скал, среди которых были рождены.

Парнишка старался вообще не смотреть в сторону села. Он не хотел видеть жизнь, способную уместиться на ладошке ребенка. Он не хотел видеть все это, зная, что в любой момент ладонь можно сжать в кулак, скомкав мир и погрузив его во мрак.

Мальчик не хотел смотреть, сдерживая рвущиеся из глаз слезы, на свою маленькую серую жизнь.

Больше ему нравился другой мир, расположенный чуть правее. Даже удивительно! Небольшое движение головы – и вид разительно меняется, а тот же самый пейзаж приобретает совершенно иные оттенки. Скучные горы, холодный воздух и рокот реки превращаются в декорации к красивой и достойной жизни.

Сразу за поворотом дороги, огибающей подножье холма, в небольшом отдалении от деревни, хозяином на пиру развалился санаторий для иностранцев – единственное многоэтажное здание, виденное воочию (не считая двухэтажной школы). Этот санаторий с прилегающей территорией, обнесенной высоким забором, создавал впечатление заключенного внутри богатства и успеха. Само здание было для деревенских символом процветания и изобилия, о которых даже думать дорого. Строение насыщенного красного цвета местным представлялось настоящим оазисом, где приезжие не выживают, как большинство жителей деревни, а со вкусом прожигают жизнь. Конечно же, это лишь игра воображения. Вездесущие слухи были абсолютно беспочвенны. Местным запрещалось даже приближаться к багровым стенам.

Мальчик вообще мало знал об этом запретном месте. Приезжие только изредка выходили на экскурсию в Мертвый Город, и единицы из них с альпинистским снаряжением – дальше, к леднику. Поэтому, несмотря на то, что санаторий уже более пяти лет был приютом любителей горного воздуха со всего света, мало кто из селения хотя бы словом обмолвился с заграничным гостем. Персонал также постоянно жил на его территории.

Местные, ежедневно выходя из убогих хибарок на пронизанную ледяными ветрами улицу, неизменно видели возвышающуюся над холмом красную черепицу как напоминание о собственной безысходной нищете.

Солнце зашло. Здесь, в горах, никогда не бывало ярких, живописных огненно-алых закатов. Светило попросту в одночасье исчезало, будто поглощенное голодным каменным чудовищем, и вмиг приходила тьма. А так хотелось когда-нибудь увидеть настоящий яркий закат! Таким, каким его изображают художники, сравнивая с пунцовой дорожкой, мерцающей на глади утомленных волн. Когда-нибудь... Он увидит... Обязательно!

Мальчуган встал, кутаясь в жилет грубой вязки. Теперь, вернувшись из мира благополучия в свою реальность – невзрачный и даже отталкивающий мир, он почувствовал, как замерз. Стоя на большом белом камне, не ощущая собственного тела, он смотрел на тропу, где сейчас предстояло пройти. Протоптанная ногами предков, она спускалась к подвесному мосту над бурной рекой. Тропа – жизнь. Тропа – смерть.

Именно так мальчик и воспринимал ее – бесценным подарком, ведущим в горы к спасительному одиночеству – тропой жизни. Наказанием – уводящим в уравновешенную безысходность, серую предсказуемость, безликую обыденность, сквозящие в каждой секунде – тропой смерти.

Он знал, что, так или иначе, ему придется возвращаться туда, что зовется «домом». Сейчас он заставит себя сделать несколько шагов – и уже минут через двадцать окажется в месте, где каждый камень, каждая песчинка испокон веков лежали именно там, где и сейчас.

«Иди! – уговаривал он себя. – Иди! Тебе надо. Тебя ждут. Иди!».

Шаг, еще один... На три шага приблизился он к ненавистной скуке, а затем побежал, чтобы не было так тяжело заставлять свое тело двигаться. Чтобы не было так мучительно больно.

Когда до ближайшего дома оставалось каких-нибудь метров сто, резко остановился, словно налетел на невидимую преграду. Немного постояв, резко выдохнул и уверенно двинулся, твердо ступая вдоль широкой дороги. Его серьезное, напряженное лицо говорило, что мальчонка совершенно не играет, а вправду каждый шаг является для него настоящей пыткой. И, по мере приближения к границам деревни, все больше невидимых толстых канатов тянут его обратно.

Поравнявшись с первым домом, несколько отдаленным от остальных, пацан вновь остановился.

– Здравствуй, дедушка Азамат, – улыбнулся он сидящему у крыльца с закрытыми глазами старику. Тот вздрогнул, будто вынырнул из глубокого сна, и удивленно уставился сквозь вечерний сумрак на собеседника.

– А-а-а... Воин, это ты? – сонно откликнулся дед.

Мальчуган знал, что перед ним, подперев бороду резной палкой и с папачкой набекрень, сидит самый хитрый человек на свете. Поэтому в разыгранную сонливость несколько не поверил. Ребенок готов был дать голову на отсечение, что старец заметил его силуэт еще издали. Дед Азамат всегда себя вел так, будто ничего не замечает, не знает и знать не хочет. Хотя именно этот сухопарый старик, сонно сидящий у крыльца своего дома на окраине, лучше любого в деревне все подмечал, все знал и всем интересовался. Не зря же взрослые ходили к нему за советом.

– Как твои дела, воин? Небось, опять в Старый Город бегал? – спросил дедуля.

Хлопчику он нравился. Во-первых, только дедушка Азамат общался с ним на равных. А во-вторых, всегда называл воином, что безумно льстило обладателю совершенно мирного характера. Как-то старик сказал: «В тебе течет кровь предков. Кровь – огонь, какой может быть только у настоящего воина. Не то, что у этих сонных бурундуков, днями напролет гоняющих овец по горам. Ты еще покажешь им, на что способен, когда обнаружишь силу, живущую в твоей крови!»

Красивые слова. Только что-то в них совсем не верилось.

– Да, дедушка. Именно оттуда я и иду.

– Ох, и попадет же тебе от матери! – притворно беспокоясь, сказал старина, тщательно поправляя съехавшую набок овечью шапку, – кстати, она тебя искала.

– Уже иду, – мальчик было собрался скорее бежать домой, но, спохватившись, вновь повернулся к старцу. – Давно хотел у тебя, дедушка, спросить. А почему ты сакли на горе называешь «Старым Городом», когда все говорят «Мертвый»?

– Ошибаются все! Никогда никого не слушай. Особенно всех! Это совсем не мертвый город – там жизни полно, хоть и невидимой.

– Жизни? – недоуменно повторил ребенок.

– Потом поймешь. Я тебе как-нибудь в другой раз про те полуразрушенные башни и силу камня расскажу.

– Сила камня, – заворуженно, будто коснулся чего-то чудесного, прошептал малыш.

– Потом! А сейчас ступай. И так мать волнуется.

– Она всегда волнуется, – буркнул себе под нос мальчишка, но все же спешно зашагал дальше.

Его дом находился близко к школе, буквально через дорогу. Такой же типично-стандартный, без каких-то особенностей, как и любой деревенский дом: четыре комнаты, маленькая кухонька да туалет на улице.

Самое большое из помещений служило чем-то вроде гостиной. Хотя о какой гостиной вообще могла идти речь? Большую часть комнаты занимал огромный стол. Для всего: для постоянных застолий, для семейных «советов», для решения проблем. Часто казалось, что вся жизнь родителей протекала лишь вокруг этого стола. Что именно он – грубый, совсем не красивый, традиционно застланный кружевной скатертью – и есть главная родительская ценность. Иногда думалось, что он является стержнем, носителем семейной жизни. Не станет стола – не станет и матери с отцом. И еще – что именно из-за него, этого стола родители никогда не выезжают за пределы села. Стоит отойти слишком далеко, как связь с деревянным монстром оборвется и сразу упадешь замертво. Причем у каждой семьи, в каждом деревенском доме в «гостиной» стоял такой же точно монстр.

Следующая комната была родительской, ровно на одну широкую кровать. Спальня родителей вообще была своеобразным табу – мальчонка мог по пальцам пересчитать, сколько раз за свою жизнь побывал в ней. Хотя, с другой стороны, никто конкретно ему не запрещал туда ходить. Просто с самого детства знание, что «нечего там ребенку делать» витало в воздухе. Даже сейчас парнишка помнил, как, будучи совсем еще маленьким, трясся от страха во время грозы, но пойти к родителям в спальню, чтобы уберечь, отогнали своим теплом навалившийся ужас, даже помыслить не смел.

Еще одна комната – это отцовская святая святых. Там, помимо большого старого дивана и маленького столика, величественно восседал на тумбе телевизор. Почти все свободное от работы время отец утопал в недрах дивана, вперив стеклянный, безжизненный взгляд в мелькающие на экране картинки. Мальчик редко бывал здесь – ведь с отцом смотреть телевизор было совсем неинтересно! Говорить мог лишь динамик «ящика» (как злобно называла его мать). А если хотелось что-то обсудить или спросить, отец мгновенно реагировал недовольным окликом или тычком ноги.

И, наконец, комната мальчика. Он любил и наслаждался ею, как наслаждается садовник своим садом. Именно здесь царила настоящая жизнь! В остальном доме все было или слишком громоздким, или миниатюрным, а значит неудобным. Свою же комнату мальчонка, по возможности, заполнял для себя и под себя, нещадно избавляясь от всего, что казалось чужим. Конечно, мебель не отличалась особой новизной, однако это было неважно. Осознание, что комната в целом и каждая в ней вещь принадлежали ему, делала их бесценными и любимыми. Даже мать, помешанная на чистоте, ради уборки не решалась нарушать покой и границы этого помещения, предоставляя сыну самому распоряжаться порядком в своей обители.

Именно сюда он и стремился попасть как можно скорее.

Стоило лишь переступить порог, как из ниоткуда возникла она. Сверкая разъяренными глазами и закрывая собой проход из коридора, а, значит и путь к отступлению, мать всем видом показывала недовольство.

«Спектакль «Грозное облако» начался!» – подумал сорванец.

– Ты знаешь, который час?! – произнесла она первую фразу традиционного монолога.

Мальчик виновато пожал плечами, с готовностью подхватывая отведенную ему роль.

– Вот именно! – непонятно к чему воскликнула мать. – Половина шестого – уроки уже четыре часа как, закончились! Где ты все это время был?!

– У Тамика, – еле слышно соврал мальчонка в надежде, что спасательный круг окажется на плаву.

– В отличие от тебя, Тамерлан домой пришел сразу после школы.

Черт, вранье не прошло.

«Ну и говно же Тамик! Ведь обещал!» – зло подумал мальчик.

Оставалось лишь два варианта: сказать правду, а, значит, получить по полной, или, не сознаваясь, тупо молчать, подошвой сапог стирая с пола невидимые линии. Что, собственно говоря, и делалось.

Так и не произнеся ни слова, поджав губы и вперив в лоб сына пронизывающий взгляд, мать постояла еще с минуту, но, не дождавшись повинной, сухо бросила:

– Хорошо. Тогда с отцом будешь разговаривать!

– Ма-ам... – жалобно протянул мальчик.

– Иди в свою комнату. Чтобы я тебя до самого ужина не видела!

Поставив в конце жирный восклицательный знак, она развернулась и устало поплелась на кухню.

Ребенок быстро снял верхнюю одежду, разулся, захватил стоящий у входной двери ранец и пробежал в свою комнату. Лишь закрыв дверь и сиганув на кровать, он смог с удовольствием выдохнуть:

– Интересно. Это навсегда?

Нельзя сказать, что, убегая в запретный Мертвый Город, он не знал о возможных проблемах, но, как и любой, делающий что-то «нельзяшное», рассчитывал на «авось пронесет». Однако же на этот раз «не пронесло» и теперь проблем не избежать.

С одной стороны, отца можно не бояться. Мамина угроза «разговора» с отцом не действовала уже давно. Пацан очень рано раскусил, что воспитательный максимум отца – это затрепщина да какое-нибудь обидное слово. И то, больше для вида, чтобы мать отвязалась. Он давно к этому привык и воспринимал весь педагогический процесс не более, чем спектаклем для родителей. Ну, развлекаются люди (в частности мама). Чего, спрашивается, мешать?

Больше остального его тревожило, что узнают про то, куда бегает сын. А тогда может вытворить что угодно, вплоть до проводов и встреч из школы. А это уж ни в какие рамки! И так в школе проблемы, а если еще и мамины «бзики» добавятся.

Ни о чем конкретном не думая, мальчонка немного повалялся в кровати, наслаждаясь полумраком. Когда решил, что пора шевелиться, сел, протяжно, с удовольствием зевнул и лишь затем встал окончательно. Сняв школьную одежду, аккуратно сложил ее в шкаф, прошел в угол комнаты, где на табурете лежали скомканные майка и спортивные. Наскоро переодевшись, сел за письменный стол, где, как и у любого подростка, с избытком было навалено всякой всячины. Настольная лампа высветила сложенные башенками по пять-шесть штук учебники. Бросив на них взгляд, он неприязненно поморщился, и, подперев голову руками, пустыми глазами уставился в окно.

В животе что-то просительно перевернулось, громко булькнув – есть захотелось до безумия. Но, как сказала мать, до самого ужина ей лучше на глаза не попадаться.

Вообще, лишение еды у матери было излюбленным методом наказания. Стоило что-нибудь сделать не так – будь уверен – обеда или ужина не видать. А если уж очень нашкодил, может лишит и того, и другого. Как уверяла пословица: «Предупрежден – значит вооружен!» – зная мамины привычки, мальчик всегда держал в комнате что-нибудь съестное, чем хотя бы немного можно было заполнить желудок.

Его запасливость выручила и в этот раз. Достав из зеленого пластикового стаканчика со стола внушительную порцию карандашей и ручек, мальчик перевернул его – на гладкую поверхность вывалился маленький железный ключик, которым он отпер нижний ящик столешницы. Выдвинув до отказа забитый какими-то тетрадами и листками ящик, у задней стены он начал искать припрятанную пачку печенья. Обнаружив искомое, ребенок принялся с удовольствием медленно разрывать шуршащую упаковку. Добравшись-таки до заветного лакомства, он все также медленно стал есть сладости, растягивая удовольствие.

Почему мать наказывала именно едой, было как раз вполне понятно. Для нее пища была огромной частью жизни и по значимости могла сравниться лишь с любовью к сыну. Почти все время она проводила на кухне, которая являлась ее удельным княжеством. Иногда мальчик думал, что мать тут и родилась. Готовила безумно вкусно – не зря же считалась лучшей стряпухой деревни. «Наверное, она совсем не устает днями напролет резать овощи, разделявать мясо и слушать шипение масла на сковородке», – размышлял мальчик, дожидая последнюю печенюху.

Стоило лишь похвалить результаты ее труда – и более счастливого человека не сыскать на всей Земле. Она всегда очень придирчиво относилась к словам людей, легко различая ложь и правду, но, когда дело касалось приготовленной ею снеди, напроочь теряла чутье, со счастливым румянцем принимая на равных и грубую лесть, и заслуженные комплименты.

Часто казалось, что в ее жизни существовало лишь две важные вещи: кухня и сын (хотя ему как-то неуютно было называть себя «любимой вещью матери»).

Мать обожала готовить, вкладывая в это занятие всю себя. Только отец никогда этого не замечал. Каждый раз, приходя домой, он молча садился за стол и также молча, словно подражая выпасаемым баранам, двигал челюстью, попросту запихивая внутрь, что подадут и вовсе не разбирая вкуса – было бы чем набить желудок. Со стороны это выглядело настолько мерзко, что ни мальчик, ни, тем более, мать, не могли этого вынести, и поскорее ели, уткнувшись каждый в свою тарелку. А что делать?

Покончив с печеньем, мальчик засунул пустую обертку в рюкзак, чтобы выбросить ее завтра по дороге в школу. Мысли о учебе и о завтрашнем дне вызвали в нем жуткую тоску, от которой аж передернуло.

– Ладно, – выдохнул он. – Завтра будет завтра, – и, чтобы не думать о чуть притупившемся голоде, решил чем-нибудь заняться.

Достал из выдвинутой полки несколько белоснежных альбомных листов. Затем сгреб в охапку разбросанные по столу карандаши, поставил их обратно в зеленый стаканчик. Аккуратно стопочкой уложил перед собой листки. Из груды простых карандашей выбрал штук пять, на первый взгляд ничем не отличающихся друг от друга. Разложив их ровно, словно шпалы на одинаковом расстоянии, чуть повыше бумаги, на секунду замер и довольно, как писатель, только закончивший роман, осмотрел рабочее место. Сложенные стопкой листы, ластик и пятерка карандашей на заваленном учебниками столе смотрелись в самый раз. Посидев так с минуту (как если бы набирался сил перед финальным броском), он все-таки решился – резким, неожиданным для стороннего наблюдателя движением схватил один из карандашей. Могло показаться, что орудие было выбрано наугад, хотя на самом деле мальчик точно знал, какой именно из тщательно отобранных «Ко-хи-норов» сейчас ближе. Это стало заметно уже в следующий миг.

Зажатый пальцами карандаш и вовсе исчез, растворился, слившись с кистью, стал придатком руки. А сам мальчик, лишь только взяв в руки карандаш, разительно изменился, отличаясь от того, другого себя, сидевшего за столом всего секунду назад.

Прямо перед глазами он держал карандаш, рассматривая его, будто видел впервые, и медленными, плавными движениями водил им туда-сюда, выписывая в воздухе невидимые линии. Казалось, что ребенок, внимательно наблюдающий за движениями острия, упивается внутренней силой, наслаждается собственной цельностью, появлявшейся каждый раз, стоило лишь взять карандаш или ручку и положить перед собой белый лист, в любой момент готовый принять на себя все сокровенное. Стоило лишь покориться желанию рисовать – как он преобразался в себя настоящего – целостного, совершенного, могучего воина.

Закрыв глаза, опустил руку и коснулся остро отточенным грифелем листа. Раз... Два... Три... Веки открываются – и вместе с тем рука скользит вверх, оставляя первую линию рождающегося рисунка. Еще одна линия... Штрих... Еще... И еще... И еще...

Спустя некоторое время листы пестрели образами людей, лицами и вещами, абстрактными переплетениями линий и узоров. А он все рисовал и рисовал, и не думая останавливаться, отключив потоки мыслей, просто отдавшись потоку чувств и двигаясь в такт зарождающимся картинам. Он заполнял рисунками пустые страницы, как с ним это делали страхи.

Парень обожал эту одержимость, заставлявшую неистово, яростно превращать мнимые миры в образы на бумаге. Лишь в такие моменты он мог ощущать себя настоящим. Чувствовать, что он – есть, что он – это он. Художник переставал воспринимать тяжесть тела, а с нею – бремя довлеющих ненавистных будней. Вся жизнь сжималась в одну лишь мизерную точку на кончике карандаша. Рисуя, он обретал себя, чтобы спустя мгновение вновь потерять, слившись воедино с еле слышимым шепотом грифеля на шершаво-белесой бумаге.

Лишь на мизерные мгновения (иногда длящиеся часами) все исчезало. Оставался лишь карандашный шорох. И только!

Сколько прошло времени, сказать сложно. Когда он рисовал, исчезало само это понятие – может быть, полчаса, а может – и три. Когда мать громко (желая напомнить о недовольстве) постучалась и позвала ужинать, он даже не услышал, отдавая все внимание рисункам.

Выйдя из комнаты, еле переставляя от усталости ноги (каждый раз после такой вот «медитации» тело совсем отказывалось слушаться), мальчик поплелся к столу, хотя уже заранее знал, что к этому времени все уже убрано. Как и ожидалось, стол оказался предательски пуст. И это могло значить лишь одно – время ушло, а из-за дурацкого правила «семейного ужина» еды не видать аж до самого утра.

Было принято, что ужин для всех должен быть событием исключительной важности. «Вечернее принятие пищи», как подчеркнуто почтительно говорила мать, проводилось в обстановке официальной, торжественной, характерной не обычной деревенской семьи, а высшего общества где-нибудь в залах Версаля.

Мальчик на дух не переносил весь этот пафос, предпочитая под любым предлогом устроиться от совершенно идиотской, на его взгляд, церемонии. Однако возможность избежать тяжелой участи представлялась довольно редко. Наверное, и мать раздражало зрелище равнодушного поглощения отцом ее кулинарных изысков.

Получалось, что каждый раз парню приходилось себя заставлять кушать со всеми. А мать даже слушать не хотела любые предложения по данному вопросу, упорно не желая понимать, что лучше всего есть, когда хочется, а не «по традиции».

Мальчик стоял перед пустым столом, думая лишь об одном – ночью будет очень голодно.

От греха подальше, он вновь спрятался в своей комнате, как черепаха в панцире. Неотвратимость кондовой родительской педагогики висела Дамокловым мечом.

Все будет проходить, как всегда, по одной схеме.

Первое. Мать вместо вежливого стука несколько раз бухнет ладонью по двери. Зайдет, нахмутив брови и уперев руки (по крайней мере, одну – точно) в бока. И просто встанет посреди комнаты. Хотя нет, не так... Нависнет над ним, молча буравя сына взглядом. И так около минуты.

Второе. Набрав побольше воздуха в легкие, начнет очень громкий разговор с вопроса: «Ты хоть соображаешь, ЧТО делаешь?!». Кстати, именно на этот вопрос он чаще всего и не мог ответить даже себе, на самом деле не понимая, ЧТО такого ужасного совершил. Далее последует продолжительный монолог с хватанием за сердце, регулярными вкраплениями слез и поочередно сменяющимися друг друга нотациями, обвинениями, мольбами и жалобами.

Третье. На шум придет отец, чтобы помочь жене в воспитании «сына-оболтуса». Хотя, на самом деле, ему просто мешают смотреть телевизор.

Четвертое. Отец спросит: «Что на этот раз?» Но не успеет мать и трех слов сказать, как мальчик уже получит по шее – не больно, но чрезвычайно обидно, на сдачу получая что-то типа «Не сын, а полный придурок!», «Хватит мать изводить, баран!» и в том же духе с минимальным количеством вариаций.

Пятое. Мать с воплями бросится на защиту сына.

Шестое. Родители начнут ругаться между собой. Забыв про сына, они постепенно удалятся из комнаты. Мальчик наконец-то останется один. Стараясь не обращать внимания на скандал, займется своими делами.

Седьмое. Обиженная мать рано ляжет спать. Злой отец будет допоздна смотреть телевизор и уснет прямо на диване.

Восьмое. Все довольны, кроме мальчика, считающего, что вполне можно обойтись без этого приехавшего якобы воспитания.

Подобный спектакль проходил с раздражающей регулярностью примерно раз в неделю, а то и чаще. Судя по всему, вряд ли сегодня его удастся избежать.

То, что мать и отец не любят друг друга, он понял давно. Как раз во время семейного ужина.

Вот так просто сидел за столом со всеми, без особого желания ковыряясь в ароматных голубцах, ни о чем конкретно не думая. Так, о всякой ерунде. Зачем-то понадобилось оторвать взгляд от тарелки и посмотреть на грустную мать, на равнодушного, холодного, словно горный ветер, отца. Именно тогда он и увидел, а увидев, понял, что они совсем друг друга не любят. Просто сосуществуют (очень подходящее слово) рядом – ни больше и ни меньше.

Почему с ними это произошло? Было ли когда-нибудь по-другому? Мальчик не знал, и честно говоря, совершенно не хотел разбираться.

Нельзя сказать, что это открытие далось легко. После ужина он находился в состоянии непонятной прострации, не совсем соображая, что ему теперь со всем этим знанием делать. Тогда он вернулся к себе, выключил свет, рухнул на кровать и долго валялся, разглядывая темноту. В конце концов, он решил эту мысль оставить такой, какая пришла, без изменений и додумок – задвинуть в самый дальний чулан своей памяти, предварительно закатав в трехлитровый баллон.

«Пусть все будет так, как будет, – думал он в темноте. – Вряд ли я хоть что-то смогу изменить». С этой мыслью он и заснул.

Тогда ему, кажется, исполнилось десять лет.

Он сидел за письменным столом, аккуратно выводя в тетради каждую латинскую букву. Как ни старался, не мог полностью погрузиться в задание, отчего постоянно делал ошибки. Не получалось сосредоточиться из-за бегущего впереди любых мыслей тягостного ожидания расправы в лице разъяренной матери. Уж слишком долго она не появлялась, чтобы нарушить своими криками царящее в комнате в свете настольной лампы спокойствие и полумрак.

То полностью погружаясь в перевод очередного достаточно сложного текста, то замирая, прислушиваясь к шагам и голосам родителей за дверью, мальчик ждал. В конце концов, когда окончательно надоело ждать положенного нагоняя, он смог плюнуть на все и полностью погрузиться в работу.

Английский язык или «инглиш», как его все называли, был, наверное, самым интересным предметом. И дело даже не в том, что мальчику не составляло никакого труда преобразовывать родные слова в язык далеких стран. Скорее, больше нравилось понимание возможности самому говорить и даже думать «по-другому». А способности к языкам только подкрепляли желание учиться. Когда неизвестные доселе слова моментально и крепко-накрепко оседали в памяти (стоило лишь узнать их перевод), сразу возникало стремление узнавать как можно

больше. Словно пробуя на вкус экзотическое блюдо, мальчик смаковал произношение нового слова – медленно, с чувством выговаривая каждый звук, ощущая тяжесть или ветреность смысла, что оно в себе несло.

– Си-и... Ре-е... Ни-и... Ти-и... – проговаривал мальчуган в очередной раз, наслаждаясь звуком своего голоса. – Сиренити-и... Спокойствие... Сире-енити – спокойствие. – Он будто взвешивал еще неоткрытый подарок, закрыв глаза, прислушиваясь к приятной тяжести внутри.

А еще приятнее было думать на чужом языке (который стал почти родным). Тогда ребенок мог представить, что он находится вовсе не здесь, а где-то совсем в другом месте – там, где ему и положено быть: где все думают, как и он, наслаждаясь «английскими» мыслями, где каждый занимается своим делом, где он мог бы днями напролет изводить листы карандашными рисунками. «И ни тебе безумно холодного ветра, готового до-браться до самого сердца, стоит лишь чуть-чуть расслабиться, ни тебе насмешек в скучной школе, ни дурацких ужинов по принуждению», – мечтал он по-английски.

Мать словно бы стояла за дверью, дожидаясь, когда сын поставит в тетради последнюю точку, чтобы нерешительно (в противовес ожидаемому) постучать, прося разрешения проникнуть. Паренек опешил, но, быстро опомнившись, громко пригласил войти:

– Заходи, мам!

Он знал, кто стучится. Отец никогда этого не делал – просто распахивал дверь. Ему, наверное, и в голову не приходило, что на это нужно разрешение.

Дверь приоткрылась, в проеме наполовину показалось лицо матери. И лишь затем она зашла «вся».

Мальчик все также сидел на стуле, лишь повернувшись ко входу боком.

Мать заботливо прикрыла за собой дверь. Та даже не скрипнула. Все так же тихонько, боясь издать лишний звук, будто могла кого-то разбудить, неуклюже ступая по ковру, прошла к кровати и села. Кровать лишь обреченно скрипнула под непривычно большой тяжестью.

Из-за лампы, яркости которой хватало лишь на стол да пару метров пола, мать выглядела бесцветно, блекло, словно застряла в черно-белом фото. Она сидела, опустив глаза на собственные руки, с любопытством наблюдая, как они разглаживают невидимые складки на и так идеально ровном халате.

– Ты... – начала безжизненным голосом «черно-белая» мать. – Ты уроки как... Уже сделал?

Он кивнул. Была видна растерянность мальчугана – всегда суровая и категоричная мать неожиданно говорит с ним так. Спокойно, «на равных» – это нонсенс.

«Оказывается, может быть и так!» – удивленно подумал он.

К тому же он ожидал хорошей взбучки, криков и даже физического наказания, но никак не вопроса об уроках.

– Хорошо, – только и сказала она бесцветно, продолжая наблюдать за движениями своих рук. – А я... Я тут подумала... Хочешь, завтра твой любимый «Наполеон» сделаю? Ты сегодня, считай, ничего целый день не ел. Да и сладкого давно у нас не было. Ты как на торт смотришь?

Мальчик хмурился, не веря в неожиданно свалившуюся щедрость и ожидая спрятанного за пазуху подвоха:

– Было бы неплохо.

– И я так думаю, – сказала она. И замолчала.

Немного помедлив, мальчик все же рискнул и спросил:

– Мам, у тебя все в порядке? – хотя уже сам прекрасно знал ответ.

– Да-да, конечно! С чего это ты вдруг спрашиваешь?

Взглянув из своего «цветного» мира в черно-белый мир матери, парнишка увидел, как та улыбается. Но ее неестественная улыбка преграждала путь слезам, что скатывались по щекам.

– Ты плачешь.

– Неоспоримый факт, – попыталась она отшутиться. – Все в порядке.

– Мам, – позвал он, но женщина не подняла глаз. Сердце екнуло, а в груди заныло. Голос матери был наполнен тихим отчаянием, а кукольная улыбка на зареванном лице выдавала ложь. Маме очень плохо?

Она оторвала взгляд от собственных рук, чтобы заглянуть в глаза сыну. Ее кисти тоже замерли. Все это продолжалось не более нескольких секунд. Затем она снова сосредоточилась на своих руках.

– Все нормально, – еще тише и совсем уж неестественно повторила она. – Все, как всегда. Я вот... Просто спокойной ночи пришла пожелать.

– Мам! – пытаясь хоть что-то понять, окликнул он снова, но его слова не могли преодолеть вязкую границу между различными мирами. Тоска против спокойствия. Тьма против света. Цвета плодородной осени против серой зимы.

Она так ничего и не ответила. Три секунды... Десять... Она встала и, будто боясь кого-то разбудить, прошла к двери. Взявшись за ручку, немного подождала, словно набираясь сил, чтобы ее повернуть и выйти. Но неожиданно продолжила прерванный разговор, которого не было:

– ...Просто знай и все. Больше я ничего не хочу. Знай, что только для тебя и живу! Не станет тебя – мне незачем будет каждое утро открывать глаза.

– Ма-ам... – уже сам чуть не плача, совершенно не понимая почему, протянул он в надежде, что она объяснит, растолкует свое странное поведение.

– Просто знай и будь рядом. ВСЕГДА. Спокойной ночи, – прикрыла она за собой дверь.

Мальчик так и остался наедине со своим непониманием и полной растерянностью. Новое видение матери. Точнее, видение новой матери и мешанина собственных чувств в груди не давали ему успокоиться и толком разобраться в произошедшем.

Забравшись под одеяло, он все думал и думал, пытаясь привести мысли в порядок.

«Странно, – в который раз прокручивал он материнские слова на грани сна. – Чудно все это. «Будь рядом» – от этих слов аж мурашки по коже».

Так и не сумев хоть что-то понять, продвинулся хотя бы на шаг к разгадке «феномена маминых слез», мальчик уснул, забыв по привычке просить небеса, чтобы следующий день не настал.

Глава 2. Дух здания

«Придет время, когда ты решишь, что все кончено.

Это и будет начало.»

Луис Ламур

Вся моя жизнь – та ее часть, что не затерялась в перестуке колес, то, что я помню и знаю, известное мне пространство – совершенно неуправляемо. Я полностью зависим от расписания поезда. Его движение невозможно понять и упорядочить.

Банально и просто – я или еду, засыпая и просыпаясь под перестук колесных пар, или наблюдаю за безлюдными остановками в ожидании, когда же, наконец, невесть откуда раздается протяжный гудок – сигнал отправления. Вот два моих состояния – движение и ожидание. Но этого для меня слишком мало.

Как я отношусь к тому, что моя жизнь полностью ограничена настроением поезда? Даже не знаю. А как можно относиться, если знаешь, что бороться не имеет смысла (потому что не с кем), а смириться не получается?! Принять мою несвободу как данность? Не могу! И поэтому остается только одно – ждать. Вот уж что действительно у меня хорошо получается. Я жду... И жду...

Когда я в дороге – жду остановку. Ведь новое место, куда привезет состав, может стать ответом на мои вопросы, разгадкой ребуса странной жизни. Или хотя бы внесет чуточку ясности в непонятный мир, окружающий меня. Но, в очередной раз открывая дверь на улицу и осматривая новый, выбранный поездом по каким-то непонятным мне критериям пейзаж, я понимаю, что это – всего лишь очередной обделенный жизнью закоулок пространства. И никаких ответов не найти. Будь то вершина горы или гладь океана – все это – очередная ирреальная картина.

И тогда я начинаю ждать нового пути. Лента Мебиуса.

Я уверен, есть другие выборы и решения, но... Я их не вижу. Поэтому и ожидаю. С уверенностью, что, рано или поздно, ответы придут сами. Главное – желать и ждать. Должны же когда-то начаться изменения в моей болотистой жизни. Непременно! Иначе не выдержу: слишком много бесконечности для одного. Я даже возникающие прямо сейчас мысли ухватить не всегда могу – все куда-то ускользает. Что уж говорить о чем-то большем и большем?

Вот так, сидя у окна, пытаюсь запомнить хоть что-нибудь из сквозняком пролетающих пейзажей, я думал, наблюдал и ждал в предвкушении тысячной остановки, когда же поезд соизволит замедлить свой ход. Я ждал, теряя терпение и наполняясь отчаянием. Со времени океанских каникул прошло уже много, очень много ожидания.

Поскорей бы состав устал от своего марафона! Быстрей бы начал все ленивей проползать железные ступени, чтобы, в конце концов, пронзительно запищав и пустив по телу предсмертную судорогу, окоченеть, замерев на месте. Поскорей бы.

За окном была ночь. Нет, точно ночь.

Я лежал на койке во тьме, разбавленной наружным светом. Вроде бы ничего странного. Вроде бы...

Ночью я очень крепко сплю. Вижу неестественно яркие сны, с пробуждением хронически выпадающие из памяти. Быстро, легко засыпаю и так же просыпаюсь – словно ныряю в бассейн и уже спустя мгновение вынырываю. Что может убаюкать слаще перестука колесных пар? Просыпаюсь лишь в предчувствии скорой стоянки. Просто пробуждаюсь без особых причин и больше не смыкаю глаз. Значит, скоро придется поработать.

Думаю, теперь понятно, каково было подхватиться среди ночи. Не дремать – просто лежать, чувствуя – что-то не так, не как всегда, ненормально.

Первое – я проснулся ночью. Второе – не слышно стука колес и не чувствуется привычной тряски. Третье – сквозь сомкнутые веки, где в беспорядочном бешенстве метались сбитые с толку зрачки, проникали частицы, чуждые тьме. Свет? Но откуда? В полночь?!

Сел на койке, коснувшись ступнями потрепанного половика. Сквозь выцветшие занавески, скорее украшающие окно, нежели дающие реальную пользу, в нескольких метрах от вагона можно было разглядеть яркий живой шар. Сфера искрилась вовсе не солнечным светом. ИСКУССТВЕННЫМ СВЕТОМ!!!

Казалось, окутанный тьмой фонарь никак не может одолеть ее, с трудом освещая себя, пару метров земли да скупно выплескивая сияние на мое окно. Все-таки это было очень непривычно – смотреть на свое купе, тьму которого разгоняет свет уличного фонаря.

Я натянул рубашку, снял и нацепил висевшие на плечиках штаны униформы, затем туфли и, глубоко вздохнув, попытался избавиться от волнения. Затем проник в тамбур. Долго провозился с наружной дверью. Когда же, наконец, она была открыта и ступени спущены, глянул во мрак – несмело, робко. Спускаюсь на платформу, еще несколько шагов – и, растерянн озираясь, оказываюсь внутри яркого шара, оберегающего меня от темноты, словно кокон – личинку,

Впервые я столкнулся со следами присутствия иных людей. Впервые настоящая станция, а не дикий ландшафт. Многие впервые.

– Ну что, дождался? – спросил я вслух.

Я стоял в лучах фонаря, будто под животворным душем. Тонкая хлопчатобумажная рубашка не могла защитить от промозглой ночи. Все тело пробирала дрожь. Но я даже не пытался сопротивляться ей: ведь сейчас даже она была символом надежды и скорых изменений.

В слабом свете фонаря я стоял, скрестив на груди руки, чтобы хоть немного стало теплей. Но все равно дрожал, понимая – не столько от холода, сколько от предвкушения (как в канун Нового Года – вслед за мандариновым запахом) чего-то важного, большого и радостного.

Конечно, хотелось зайти в купе и взять пиджак, но я все не решался. Казалось – стоило лишь шагнуть на железный пол тамбура, как сразу же раздастся пронзительный гудок и состав тронется, навсегда увозя от светившейся в ночи надежды. Поэтому и мерз, рассматривая вагонные окна. Когда стоишь на потрескавшемся асфальте в абсолютном одиночестве, под фонарем, в окружении полночи и смотришь на ряды окон твоего дома-тюрьмы, возникает странное ощущение. Трудно осмыслить, что можно жить сразу во всех этих вагонах.

Потом я совсем продрог. Поняв, что больше не выдержу, осмелился сбегать за форменным пиджаком, чтобы уже при полном параде вернуться на пост.

...Вопреки опасениям, поезд даже и не думал трогаться. Что теперь? Просто ждать. Потому что больше ничего придумать не могу. А что можно придумать, если со всех сторон окружает тьма? Хотя глаз выколи – дальше, чем на метр, не видать. Сначала нужно понять, где я, а уже потом уже разрабатывать план.

К тому же, как ни прискорбно это признать, сейчас я абсолютно растерян и сам себе напоминаю испуганного, потерявшегося в зарослях кукурузы малыша.

Выход один – ждать! Лишь когда крошечная тьма сменится мглой и начнут проступать хоть какие-то очертания, можно двигаться дальше.

Усевшись на ступеньку вагона, я стал просто выжидать, уставившись на световой островок впереди. Казалось, между нами – абсолютный космический вакуум, некая зона небытия. Чтобы добраться до фонаря, сначала нужно погрузиться в нуль-пространство, в пропасть, растворившись в пустоте, а затем, возродившись, вынырнуть в свете искусственной луны. Интересно, где я? Не в смысле местности, а сезона? Обычно сложно угадать, где остановится поезд.

Бывает, едешь по невыносимой летней жаре, что даже дышать трудно, как вдруг состав замедляет ход и уже совсем скоро останавливается в прохладном начале весны. Будто вся Земля делится на пятна размером от нескольких метров до сотен километров. В каждом – свой сезон и своя погода. Светит солнце, птицы поют, листва зеленая, а совсем рядом – холод, ветер с дождем – раз. Переступил невидимую границу – и ты уже в другом секторе. Чудно!

Я потянул носом – пахло серединой сентября. Временем, когда трава еще не совсем пожухла, и листья, налившись киноварью и пурпуром, несутся в стремнину листопада. Холод, от которого я тщетно пытался укрыться под тонкой тканью пиджака, был уже не летним, но еще и не зимним. Очередной глубокий вдох. Отчетливо пахнет осенью – аромат увядания, рожденный среди постоянных дождей и серого жемчуга туч.

Ладно! Хватит гадать – с рассветом все станет на места.

Озноб. Скрестив руки на груди в тщетной попытке преодолеть его, я приник к холодному боку цельнометаллического вагона. Ждать совсем немного.

Как удалось уснуть в такой стыни, загадка до сих пор.

Когда проснулся, было уже довольно светло. Светло, в сравнении с тем крошечным ночным мраком.

Шея и левое плечо страшно затекли. Вознамерившись оторвать их от тела, наверняка ничего бы не ощутил. Поэтому первым делом встал, чтобы размяться – покрутить головой, помахать руками, несколько раз присесть, при этом не забывая осматриваться по сторонам.

Света хватало, чтобы разглядеть все необходимое. Хотя и настало утро, все же кое-где последние пылинки тьмы выветрились не до конца, мизерными облачками плавая в воздухе, из последних сил цепляясь за деревья, прячась среди спутанных ветвей высохших кустарников и под моими ботинками. Окружающее пока еще казалось блеклым, выцветшим, прорисованным карандашным грифелем. Царящей здесь осени это было очень к лицу.

Я стоял на длинной асфальтированной платформе, на том самом месте, где еще ночью купался в свете фонаря. Правда, сейчас маленькое солнце угасло, погибло до следующей темноты.

Чуть поодаль на тяжелых чугунных ногах примостилась большая деревянная лавка. Ей-Богу, до нее было каких-то десять шагов, а ночью я даже представить не мог, что может быть в этом «хоть глаз выколи» мраке. Сразу за скамьей рябым забором росли деревья, «укрывающие» от моего взора огромное золотисто-желтое поле высокой травы. Оно простиралось далеко за горизонт.

Вот в принципе и все: состав, платформа, фонарь да лавка; скупой ряд деревьев, за которым раскинулось бескрайнее поле. И ни тебе тропы, никакого указателя направления, ведущего к людям, для которых все это сделано.

– Будь внимательнее! – приказал я себе.

Зародилось чувство, что сейчас меня окружает тот самый шанс, который я столько выманивал своим ожиданием. И важнее всего его не упустить. Обрести путь и двигаться дальше.

Огляделся еще раз. На вертикальных корягах, что лишь с трудом можно было назвать деревьями, болтались жалкие остатки скукоженных, засохших листьев. Старое золото поля. Небо, покрытое грязными, рваными лохмотьями туч и тяжелый запах приближающейся гибели. Бьюсь об заклад – сейчас середина осени! Или, скорее, тот период, когда остается самая малость до первого снега (что, конечно же, не растает до самой весны).

Я глубоко вдохнул. Никаких сомнений – букет иной, чем ночью: не те ноты, не тот сезон! Могу поклясться: ночью пахло так, словно лето только-только сняло шляпу, чтобы учтиво откланяться. А сейчас уже почти зима.

Может ли быть, что с приходом солнца все так сильно изменилось?

Об ошибке не могло быть и речи – уж очень чутко, до мельчайших подробностей я всегда улавливаю любые изменения в природе.

Вдруг порыв ледяного ветра, желая подсказать выход, вырвался из-под вагона и обжег лицо. Ну конечно!

Желая увидеть, что же находится с другой стороны, я пригнулся. Но, кроме, подобравшейся к самым рельсам высокой травы, ничего не увидел. Чтобы скоротать время и рассмотреть как можно дальше, я взобрался в тамбур, рассчитывая открыть дверь с другой стороны, но... Не тут-то было: дверное стекло заиндевело!

Пришлось пройти по коридору вдоль всего вагона. Меня ждал тот же результат – окна со стороны закрытой двери оставались абсолютно непроницаемыми. Сквозь ледяную корку проглядывали лишь смутные тени. Со стороны же полустанка стекло, как и положено, было прозрачным – те же деревья, та же золотистые травяные джунгли.

Тогда, стгорая от нетерпения, я отпер дверь. Не скажу, что это далось легко. Замерзший замок покорился не сразу.

Давно пора смириться со вселенским абсурдом, но... Все никак, никак не привыкну к горячему хлебу из холодильника, к рельсам посреди океана, и уж точно не привыкну, что из приоткрытой двери на меня неожиданным несчастьем может наброситься дикий холод!

Я прянул назад, неосознанно стараясь защититься. Но, естественно, тщетно. Поток промозглого воздуха ворвался в тамбур из одной двери, вылетев в другую – в ту, за которой виднелась осень.

Несмотря на сильнейший мороз, желая рассмотреть, что же по другую сторону вагона, я все же подошел к открытой двери. Уж слишком хотелось найти выход!

Вырастающие прямо из покрова снежной ваты исполинские сосны подступали к самым путям. Я высунул голову на улицу (изо рта сразу вырвалось белое облако пара) и посмотрел вверх – неба даже не видно. Густые кроны, переплетаясь высоко над землей, создавали единый, непроницаемый купол. Из-за этого кругом было мрачно (не темно, а именно мрачно). Лишь кое-где – прогалины. Сквозь них пробивались прямые солнечные лучи, оставляющие на снегу огромные светлые пятна. Поэтому белый покров походил на пораженную псориазом кожу.

Вместе с жалкими, прорывающими шапку ветвей крохами света, вниз слетали снежинки. Мерцая светлячками, они медленно спускались к земле, сливаясь в огромную скатерть.

Красиво. И страшно, одновременно!

С одной стороны – какой-то полустанок, как островок в бушующем море ржи посредине осени. С другой – рать исполинских деревьев в зимней стуже. Я в двух местах сразу.

Вдруг я понял, что ничего не придется искать и разгадывать – все ответы тут, рядом. Просто нужно «открыть» глаза и выбрать направление.

Отвернувшись от зимы, я выбежал в осень; пролез под поездом, оказавшись на границе поля, и посмотрел в открытую дверь. Там виднелся стылый мрачный лес. Бьюсь об заклад: если то же самое сделать со стороны зимы, сквозь тамбур я увижу осеннее небо. Но проверять не стал – уж слишком неприветливым и безжизненным казался мир, где солнечный свет – большая редкость.

Я впервые оказался на границе двух секторов пространства. И впервые встречаю следы других людей. Впервые чувствую, что выход есть и он рядом. Впервые нет безысходности, а есть движение. Впервые.

Конечно же, я выбрал осень. Золото по душе больше, чем стылое серебро.

На верхней полке моего купе обнаружил небольшой заплечный рюкзачок. Знаю, что раньше его здесь не было.

Набиваю его провиантом. Тушенка и сгущенка (самые туристические продукты) дожидались моего похода. Внутри уже лежал складной нож, большой фонарь и один-единственный

диск (запись джаз-концерта О. Питерсона). Хотя такой набор кажется странным, я не решаюсь их выкладывать. Если эти вещи здесь, значит, пригодятся.

В шкафу нашлись теплые вещи. Причем, на мой взгляд, слишком теплые для осенних прогулок – пуховая куртка с капюшоном, утепленные штаны, ботинки на меху. Все это уже приходилось несколько раз надевать, когда состав останавливался посреди снежной пустыни и в горах. Тогда на улицу невозможно было выйти из-за жуткого снега и холода.

Ну, что делать. Если именно эта амуниция сейчас болтается в шкафу – значит, именно она и нужна. Не в одном же кителе, в самом деле, отправляться в дорогу. Сразу вспомнилась ночная стынь.

И вот при полном параде, в дутой куртке и с полным рюкзаком, я стоял в тамбуре на распутье. Налево пойдешь – в снега забредешь. Направо пойдешь – в траве утонешь.

А, может, я зря избрал осень? Может, теплая одежда – и есть подсказка и мне уготован иной путь? Я снял носу, и, недолго поковырявшись, достал фонарь. Высунувшись по плечи в царство спящего леса, начал светить по сторонам, стараясь уловить хоть малейшие признаки человека. Луч фонаря бегал по снежному покрову, стволам деревьев, куполу ветвей вместо неба. Нет здесь жизни – только мертвенный хлад. Ладно, если решил выбрать осень, нечего медлить.

Ведущую в зиму дверь решил не закрывать, как бы наудачу.

На асфальтированную платформу спускался под грохот металлических ступеней. Еще раз сверху донизу оглядел поникший от безделья фонарь и лишь затем ступил на рыхлую землю. Пройти с десятков шагов, обогнуть дерево – и вот я перед самым полем. Будто в одночасье выстроили стену – монолитную, непроницаемую, неприступную. Кажется, шагни я в эти дебри – сразу начну задыхаться, утопать в золотистой пучине. Страшно, но надо пересилить себя и сделать шаг, чтобы обратно пути не было.

– Чего ты так боишься? – спросил я сам себя, надеясь, что звук голоса хоть немного разомкнет стянувшие тело оковы. – Самое худшее, что с тобой может случиться, – ты опять уткнешься в свой поезд.

– Именно это и страшит меня больше всего. Я боюсь, что так и буду топтаться на месте. Боюсь, что мои надежды ложные и все останется, как прежде.

– Если боишься проиграть, то это нормально. Но если не рискнешь выиграть, то ты уже проиграл. Или ты решаешься, или... Опять бесконечное ожидание чего-то.

Не думал, что будет так тяжело погрузиться в густые, не меньше чем на полметра выше моей головы, травяные заросли.

– Двигайся! – заорал я что было силы и сразу же шагнул вперед, зачем-то задержав дыхание.

Странное состояние. Сколько новых, неведомых ощущений появляется в моей жизни! Мне это нравится! Нравится новизна. Нравятся перемены.

Я иду, с трудом делая каждый шаг, руками разгребая сплетенные травинки, словно плыву в мутном болоте. Небо почти не видно: высокие заросли скрывают его от меня. Но я иду.

Моя куртка расстегнута – жарко. Ведь тело работает на пределе. Преграда невероятно сложна. Но надо идти! И я иду.

Сначала злюсь. Затем, слишком устав для гнева, делаю небольшую поляну, утаптывая траву так, чтобы она устилала землю толстым ковром. Наскоро подкрепляюсь и, свернувшись клубком и подложив под голову сумку, проваливаюсь в глубокий сон. Как всегда, не снится ничего. Иногда думается, что нахожусь в месте, куда сны не долетают – так далеко я запрятан. Вовсе не холодно – подстилка из травы с теплой одеждой надежно защищает и от сырой земли, и от промозглого осеннего воздуха. Лишь яркая луна, освещая мой сон, помогает набраться сил на предстоящий день.

Проснувшись, опять наскоро перекусываю. Поднимаюсь и вновь иду. Уже не злясь, а размышляя о всякой ерунде: о загадках поезда, о странных местах, где бывал. Думаю обо всем, лишь бы голова была занята – иначе мелькание нескончаемой травы со всех сторон попросту сведет с ума.

Когда становится совсем плохо, я перестаю идти, пригибаю траву и смотрю на хмурое небо. Когда темнеет – ем, пью и ложусь спать. Когда светает, просыпаюсь и вновь иду.

За злостью пришло отчаяние. Уныние, порожденное бесконечностью.

Стал слышаться голос, упрекающий в глупости: "Ты ошибся, – раздраженно твердит он, – и теперь готовься блуждать в этом проклятом золотом лабиринте ВСЕГДА!" Как я ни изгонял его, как ни пытался заглушить слабой надеждой и мечтами о скором выходе, страх все равно находил лазейки, выползая на поверхность.

Я иду и плачу. А наружу хрусталиками слез из глаз выливается отчаянье. И ничего не остается делать, как идти и идти вперед. Засыпая с наступлением ночи и поднимаясь вместе с пробуждением света.

И лишь когда в опустошенном и измотанном теле не осталось ничего, кроме безразличия и смирения, я смог выбраться. Спустя много-много хмурых дней и лунных ночей я выбрался.

Глядя под ноги, дабы трава не царапала лицо, разгребая ее руками, я не сразу сообразил, что идти вдруг стало совсем легко, а руки касаются лишь воздуха. Получилось шел-шел, а затем «Бах!» – и словно вынырнул из зарослей.

Позади оказалась уходящая в обе стороны бесконечная стена травы. Даже моих следов не осталось. А впереди – то, к чему стремился, зачем так упорно шел.

Я стоял на краю скошенного поля. Из земли торчали короткие пеньки, достающие до лодыжек. Впереди виднелось какое-то строение. Уже темнело. Отсюда сложно было что-то толком разглядеть – по бело-красным пятнам окон было видно, что в доме пять этажей.

Быстрым шагом, наслаждаясь свободой и легкостью, я направился туда.

В вечерней темени старое полуразрушенное здание то ли заброшенного склада, то ли завода казалось еще мрачнее и будто подавляло.

В стенах то здесь, то там не хватало целых кусков. И лишь обглоданные ржавые прутья торчали из дыр. Железобетонные блоки-ребра держали остатки чего-то, когда-то служившего людям, защищавшего их от дождя и ветров. Сейчас же этот полу мертвец был ни на что не годен. Разве чтобы наводить тоску и мысли о смерти.

Честно говоря, я сильно расстроился, когда после стольких усилий и бесконечного ожидания впереди показалась эта развалюха.

Найдя место, более всего походившее на вход, я проник внутрь.

Здесь было еще хуже. Повсюду – обрывки проводов. Пол сплошь усыпан мусором: битым кирпичом, искореженными железяками и осколками стекол. Между ними – лужи и жидкая грязь. Мрак, сырость и холод.

Сильный, сквозящий ветер бился о стены, пытаясь выбраться, спастись из ловушки. Диким зверем он метался внутри, просачиваясь, находил какие-то щели-лазейки; издавал странные звуки: то ли свист, то ли хрип. Сама постройка стонала умирающей старухой – просило о помощи, молила об избавлении.

Огляделся еще раз. Под курткой пробежал озноб – последние вздохи, обвисшие лохмотья, одиночество и бесконечное, медленное загнивание. А еще где-то в темноте звук падающих капель – неужели это и есть смерть? Смерть во плоти?

Наваждение опутало, порождая страх, и погнало прочь. Я встряхнул головой, стараясь прийти в себя, вернуться в реальность и не кинуться вон отсюда со всех ног, куда угодно, лишь бы подальше. Мне нельзя бежать. Особенно сейчас, когда я искал следы людей и, наконец, нашел их. Нашел, чтобы поддаться непонятному, нелепому страху? Нет уж!

Ясно, что здание прогоняло меня.

На улице окончательно стемнело – границы комнат угадывались лишь по неясным очертаниям, а в дырах стен виднелась лишь темень. Я достал из рюкзака фонарь и начал обшаривать каждый угол в поисках... Черт, а, действительно, что именно я ищу?! Выход? Отгадку? Или подсказку? Тяжко, когда нет определенной и вполне конкретной цели – «ищи то, не знаю, что».

Не найдя ничего интересного на первом этаже, решил подняться на второй, содрогаясь от мысли, что так придется рыскать по всем этажам.

Лестниц оказалось две. Остатки первой можно было различить лишь по выпирающим из-под груды хлама первым трем ступеням. Вторая бетонными обрубками сохранилась чуть лучше. По ним-то я и смог кое-как, прижимаясь к стене, подняться сначала на пролет, а затем и на второй этаж.

Здесь было немногим лучше, разве что луж и мусора меньше. А еще – очень тихо. Каждый мой шаг разносился далеко вперед – как бы бережно я ни старался ступать, под ногами постоянно что-то хрустело, надламывалось, крошилось и позвякивало.

А я шел вперед. Чувствуя, что уже точно знаю, куда. Поэтому шагал уверенно, но все же стараясь издавать как можно меньше звуков. Так по наивности хотел обмануть здание. Будто оно не знает, что я все еще здесь.

Направление ощущалось вполне отчетливо. Пройдя несколько больших залов, петляя по бесчисленному количеству коридоров, остановился. Вот оно! Нашлось!

Я стоял в проеме просторной комнаты. В левой стене находилась еще одна дверь, из-за которой доносились какое-то шуршание или, скорее, возня и приглушенная, еле уловимая мелодия. Музыка? Здесь?!

Чтобы не выдать своего присутствия, я выключил фонарь. Стоя в темноте, я мог наблюдать, как из прохода, освещая пол и часть противоположной стены, пробивается свет. Мерцание оттенков красного, пляска теней – вот все, что было доступно. Но и этого хватило, чтобы понять – за стеной жгли костер.

Еще осторожнее, чем прежде, я стал подбираться к новому открытию. Но, не стерпев напряжения, вынырнул из-за угла – всего несколько шагов – и я стою в освещенной пламенем комнате.

– Здравствуй, воин! Долго же ты добирался. Я уж думал, что и вовсе с полем не справишься, – сказал старик.

В самом центре небольшой комнатухи горел костер. Трепетного света вполне хватало, чтобы разглядеть все до мельчайших подробностей.

Отличие от остального здания, бетонный пол здесь был свободен от хлама и мусора. Однако идеально чистым его тоже не назовешь. В полуметре от костра в полу зияла небольшая дыра. Судя по угольно-черному следу, туда сбрасывали сторовенные деревяшки, пепел и сажу. Дым от огня уходил в выдолбленное в потолке отверстие.

В одной из стен находилось замурованное красным кирпичом окно. Помимо бывшего окна и проема, в котором стоял я, ничего напоминающего выход не было.

Старец сидел у костра на толстом матрасе, прислонившись спиной к стене. В руке он держал длинную палку с обгорелым кончиком, которым периодически тревожил огонь, ворочая горящие палки. На меня он ни разу не взглянул, полностью увлеченный костром.

Музыка доносилась из динамиков маленького стерео-бумбокса, точной копии моего проигрывателя. То, что мы со стариком оказались владельцами одинаковых вещей, меня почему-то немного успокоило.

Из-за приглушенного звучания нельзя точно сказать, что слушал старик – долетающие до меня звуки иногда походили на фортепьянные переливы, иногда – на гитарные переборы, и даже на хор детских голосов.

Я так и остался стоять в дверном проеме, дожидаясь хоть какого-то указания от хозяина комнаты. Как себя в данной ситуации вести и что вообще делать, я не имел ни малейшего представления. Поэтому не больно уж и торопился хоть что-нибудь предпринимать – мне требовался тайм-аут, чтобы привыкнуть к присутствию в моей жизни еще одного живого человека; чтобы справиться с бурлящими внутри переживаниями и страхом. Поэтому я просто ждал.

– У тебя есть на что опустить свой зад? – так и не отрываясь от занятия, обратился ко мне старик. – А то пол бетонный. Еще отморозишь что-нибудь.

Я послушно скинул с плеч рюкзак, снял куртку и собрался было усесться, где стоял, но старик велел «приземлиться» рядом. Так я и сделал, оставив между нами преградой проигрыватель, разбавляющий мое напряжение неясной мелодией. Странно, но от того, что сел вплотную к колонкам, звук не стал вразумительнее ни на йоту.

Старик ковырялся палкой в костре, а я молчал, размышляя, этих ли перемен и изменений ждал.

– Мне есть что рассказать, – вдруг заговорил старец. – Так что спрашивай. Или ты хочешь, чтобы я за тебя все сам сделал?

– Я... Я не знаю, – мой голос казался чужим. – Я так долго ждал этого случая, так сильно хотел хоть с кем-нибудь поговорить, чтобы мне ответили на все эти бесконечные вопросы. И вот теперь даже слова нормально сказать не могу.

И, действительно, на каждый произнесенный звук нещадно уходили остатки сил. Безумная слабость навалилась на меня. Казалось, еще чуть – и мой позвоночник, не выдержав, надломится отчаянием, изведенном в золотом лабиринте. Одно только воспоминание о поле вызывало тошноту.

– Долго, говоришь, ждал ответов? – переспросил старик. – А как долго?

– Не... Не знаю, – пожал я плечами. – Долго, и все. Просто, чем дольше поезд нес меня куда-то, чем больше мест я видел, тем странности и порождаемые ими вопросы становились все сложнее.

– Долго и все, – опять повторил за мной старец, а затем, после коротких раздумий приказал, – Расскажи-ка о себе.

Я послушно приступил к пересказу своей небольшой и в принципе ограниченной жизни проводника: о непонятном составе без локомотива; о появляющихся и исчезающих вещах; о местах остановок; о неудачных попытках побега; о буднях, окруженных сплошными недоразумениями и загадками; о бессмысленном выполнении своих никому ненужных обязанностей.

Как ни странно, но сага вышла внушительная. Хотя, казалось бы, сколько той жизни – раз-два и обчелся! Пока я привыкал беседовать с другим человеком, дед внимательно слушал не шелохнувшись. Хотя меня интересовала реакция незнакомца на мой рассказ, я так и не посмел взглянуть в его сторону. Сам не знаю, чего боялся.

– ...И думал, что, одолев поле, встречу что-то или кого-то, для кого был построен этот полустанок. Правда, все оказалось не так просто, как предполагал в начале пути – пробираясь сквозь эти джунгли, отчаивался тысячу раз. Думал: никогда уже не выберусь из...

– Поле Отчаянья, – перебил меня старик.

– Что?! – опешил я.

– Поле Отчаянья – так это поле зовется.

– Почему? – удивился я.

– А ты как думаешь? Ведь только что сам говорил, – в голосе старика явно слышалось раздражение. – Не знаю, для чего оно нужно именно здесь, но это факт.

Я смотрел на гаснущее пламя. Света все меньше...

– Оно не выпустит никого, пока не доведет до отчаянья – в этом его суть.

– Но зачем?

– А ч-черт его знает! – старик развел руками. – Может, оно так проверяет?

– Проверяет? – еще больше удивился я. – На что?!

– На что. Для чего. Зачем. – Передразнил дедуля. – Может, хватит глупить? Начинай головой думать! Мозги на что?!

И в самом деле, я даже не старался разбираться, просто желая получать готовые ответы.

– Проверка, – решил предположить. – Смогу ли я испытывать отчаянье. Проверка на выдержку и силу.

– А точнее – на слабость, – поправил он. – Только слабые способны добраться сюда.

– Но поче... – начал было я, но сам прервал очередной необдуманный вопрос. – Сюда могут добраться лишь те, кто способен отчаяться – слабые. Потому что они ищут, и им... То есть нам нужны ответы.

Старик удовлетворенно кивнул и уже продолжил сам:

– Сильным, напористым не нужно ничего, кроме их силы и постоянного ее подтверждения. Они прут и прут вперед, не страшась препятствий, не зная, что победа может быть скрыта в поражении. Вот такие «победители», не позволяющие себе отчаяться, и разгребают колосья до бесконечности. Или пока не научатся признавать проигрыш, выбирать другой путь.

Единственное, что мне оставалось делать – это поспевать за ходом мыслей собеседника.

– Ты никогда не замечал, что победа приходит исключительно за чередой неудач, а истинный успех – вслед за отчаяньем? Неспособный отчаиваться человек не увидит выход из лабиринта.

– Сдаться, чтобы победить, – повторил я. – И сколько людей пробралось сквозь это поле?

– Двое. Ты второй.

– А первый кто?

– Я, – грустно ответил старик, подкрепив слова тяжелым вздохом.

– Что это за место? – спросил я, оглядываясь вокруг, словно надеясь увидеть ответ в руинах.

Старец лишь хмыкнул. Мол, ишь ты, шустрик нашелся! И только тогда я решил посмотреть на своего первого собеседника.

Голова прислонена к стене. Все высохшее, словно окаменевшее, лицо изрезано шрамами глубоких морщин, а закрытые веки выражали усталость.

Вдруг короткая белая борода расползлась и проступило какое-то подобие улыбки.

– Что это за место? – повторил он. – Ты задал очень важный вопрос. Не зная ничего, все силы бросаешь на поиски ответов.

Немного подумав, я кивнул, но сомневаюсь, что он увидел это.

– Справедлив ли окружающий мир? Подчиняется ли простым, понятным и привычным для тебя физическим законам? Насколько он опасен и как его можно изменить? Все эти вопросы возникли у тебя с тех самых пор, как ты оказался в своем вагоне – это так?

– Да, – согласился я без промедления. – Сколько себя помню, все пытался разгадать и предугадать, что меня может ждать?

– Ну и дурак! – выругался аксакал.

– Почему же?! – хотел обидеться я, но передумал, решив, что сейчас есть вещи и поважнее.

– А потому! Если бы ты следил не за этим дурацким миром, а за собой, то уже давно ушел бы далеко вперед. А так только сейчас оказался здесь.

– По-вашему, я мог попасть сюда раньше?! – казавшиеся беспочвенными обвинения вывели из себя.

Он поднял руку и пальцами потер сомкнутые веки, затем ладонью провел по лицу. Этот жест мог означать лишь одно – усталость. Безмерную, непосильную для человека ношу.

– Не злись, – сказал он мягко. – Когда-то я был очень требовательным к себе, а значит, многого требовал от других. Теперь-то и требовать смысла нет, но привычка осталась и не хочет уходить. Так что прости и не злись. Ты ведь пришел искать ответы, так?

– Да.

– Вот и хорошо. Я многое могу рассказать, что, несомненно тебе поможет и станет отправной точкой для дальнейшего пути.

– Да я и так черт знает сколько уже в дороге.

– Нет-нет, – медленно помахал головой старец. – До сих пор ты бессмысленно блуждал среди миров, не зная смысла собственного существования. Я же дам тебе самое главное из всего, что ты можешь получить от жизни!

Он умолк.

Сначала я ждал, думая, что сейчас он продолжит. Но затянувшаяся пауза давала понять – он ждет шага от меня. Хочет, чтобы я сам думал. Ответ нашелся почти сразу. Достаточно внимательно оглядеть внутреннего себя, свою однообразную жизнь с ног до головы, чтобы стало предельно ясно, чего мне так не хватало, что мучило непрестанно.

– Цель?! – спрашивая и утверждая одновременно, произнес я.

Старик удовлетворенно кивнул:

– Именно цель придает всему сущему смысл. И именно цель отличает человека от животного, а отсутствие ее уравнивает одного с другим. Я дам тебе и цель, и смысл, но взамен кое-что потребую. Но об этом позже, а сейчас я отдаю свой долг этому миру. Ты получишь не просто цель, придающую хоть какой-нибудь, пусть иллюзорный смысл твоей жизни. А реальную, настоящую, способную провести тебя сквозь все препятствия к конечной точке.

До этого момента у тебя тоже была цель и смысл. Они есть у каждого человека. Вопрос в другом – верны ли они? Ты пытался понять окружающий мир, но ведь это не может быть реальной целью!

– Почему же?

– «Почему?» – передразнил старик. – Просто задай себе вопрос – был ли ты счастлив? Чувствовал ли себя радостно, проживая день за днем? Ощущал ли, что движешься, с каждым мгновением приближаясь к цели? Можешь не отвечать мне. Достаточно, если ты скажешь правду сам себе. Признайся! Хватит и этого.

Был ли мне каждый день в радость? Чувствовал ли себя комфортно, наблюдая за навязчивыми декорациями из окна несущегося вагона? Нет. Мне всегда было мало этого, всегда хотелось чего-то большего. Конечно, я находил свои радости и в будничных мелочах – книгах, музыке, пище, делах. Но ощущение какой-то незавершенности постоянно подтачивало мое спокойствие. Каждый раз перед сном слушая перестук колес, я прокручивал в голове минувший день, и всегда... всегда чего-то не хватало, чтобы поставить точку и сладко, в гармонии с собой, уснуть.

– Я об этом и говорю, – усмехнулся старик, будто читал мои мысли. – Теперь ты понял, как отличить верную цель от неверной. И сейчас, когда обозначится путь, весь окружающий мир станет тебе помогать. По дороге ты встретишь много странных людей, многое узнаешь и поймешь – так будешь общаться с самим собой, думая, что общаешься с миром. Просто слушай их и рассказывай о себе, неотступно следуя закоулками, на которые они укажут. А самое главное – учись!

В финале перед тобой окажется стена с дверью. Именно эта дверь и есть твоя конечная цель. Что за ней – неизвестно. Знаю лишь одно – ты обязан ее открыть! Но это должно произойти позже.

Мудрец взял лежащую рядом палку и пошелестел ею в углях костра, и лишь затем продолжил вещать:

– ...Ибо сейчас ты не готов узреть сокрытое. Именно потому твой путь будет долог и запутан – чтобы ты смог подготовиться ко встрече с неизведанным. Поэтому учись. Учись читать себя и мир вокруг, как буквы в книге.

Я слушал, не постигая. Обычные слова трасмутировали в туманные прорицания. В лучшем случае я понял лишь половину сказанного.

– Вы говорите так запутанно, так сложно и...

– ...Так неконкретно, – завершил он за меня. – Извини, но иначе нельзя. Я говорю, что знаю и как знаю. Но хорошо, попытаюсь.

Из-за его странной манеры говорить, не открывая глаз, иногда казалось, что дед вещает, будто в трансе, как медиум.

– Главная твоя ошибка, что изначально ты думал и действовал так, будто мир должен дать тебе шанс найти ответы.

– А разве нет?! – удивился я. – Я очень долго ждал. Жаждал возможности, терпеливо и преданно. И только поэтому я здесь.

– Глупости! – оборвал старик. – Ты здесь лишь по одной причине – потому что стал к этому готов и решил наконец-таки действовать.

– Я не...

– Ты ни черта до сих пор не понял! Ясно. Ясно. —Кивал он.

– Что вам «ясно»? И что я должен был понять?! – много чувств – от ярости до восхищения – смешалось внутри. Но не было даже сил разбираться. Единственное, что я должен был – это понять! Я знал: слова прорицателя очень важны!

– Вот что ты уже давно мог уместить в своей глупой голове... – начал он, говоря все громче и раздраженнее. – Сейчас, прямо сейчас, я сижу перед тобой только лишь потому, что ты сам этого захотел. Понимаешь? Это не ты принадлежишь миру, а мир – тебе! Именно поэтому ты способен выбирать свой путь, а не идти по намеченному кем-то. Когда делаешь выбор, все подстраивается под тебя. И даже я – лишь результат твоего выбора, твоего желания и воображения. Теперь понятно?!

«Теперь понятно?» —отозвалось эхом. Кажется, я действительно понимал. И мысли от этого путались только сильнее.

– Этот мир... Эти миры, где я без конца блуждаю – что это? – сейчас настал самый подходящий момент, чтобы проверить свои давние догадки, дерзость которых не позволяла в них поверить. – Сколько ни пытаюсь, все не могу определить, где нахожусь, по каким землям движется мой поезд? Я в аду? Ведь на рай это совсем не похоже.

Собеседник снисходительно улыбнулся:

– Хватит! Прекрати все и вся пытаться впихнуть в привычные рамки. Неужели ты до сих пор не понял, что твоя действительность ограничивается лишь твоим разумом. Ты видишь только то, что способен видеть. Ты находишься только там, где можешь быть. Ад?! Рай?! Какое это имеет значение, если ты все равно уже здесь.

– И все же! – не унимался я, игнорируя явную агрессию старика. Иногда казалось, что он больше сбивает меня с толку, нежели реально помогает.

– Если это так для тебя важно – Рай или Ад – выбирай любой вариант. Ведь это твой мир! Ты его полный и единовластный творец. Решишь, что находишься в Аду, мир незамедлительно наполнится кровью, несчастьями, болью и страхом. Выберешь Рай – сплошь и рядом тебя станут окружать добродетель, любовь, успех и удача. Только я бы на твоём месте не выбирал ни один из вариантов.

– Почему же? Чем так плох Рай?

– Вопрос не в том, что плохо, а что хорошо. Главное – приняв окончательное решение, ты ограничиваешь себя в дальнейшем выборе. Это все равно, что человеческие принципы. Если

вдруг, выбрав Рай, ты решишь пройти по темной стороне улицы, то уже не сможешь этого сделать, умея видеть только свет. И придется идти окольными тропами или дожидаться, пока не станет светло, с каждым мгновением все больше отдаляя момент встречи с заветной дверью. Не ограничивайся одним измерением – умей балансировать.

– Хватит ребусов! – взмолился я. – Я запутался дальше некуда. Столько слов. А я так и не понял, где нахожусь!

– Сколько можно повторять! Будь внимательнее! Я же уже тебе сказал: ты в своем мире. Именно ты его создатель, а все вокруг – дело твоих рук.

– Я умер и теперь нахожусь в собственном мире, который сам и создаю?! Слишком сложно. – Я попытался это представить. – Что ж получается, вы плод моего воображения?

И тут старик... Нет, даже не засмеялся, а захохотал в полный голос. Впервые на его каменном лице проснулась хоть какая-то эмоция.

– Эй! Полегче с предположениями, воин, – успел он сказать сквозь смех. – Я не «плод», и уж тем более не твоего воображения, да и ни кого бы то ни было еще. Я сам по себе. У меня своя история, своя жизнь и своя смерть. Скорее, называя тебя хозяином своего мира, я подразумевал, что этот разговор и само твое присутствие здесь – полностью твоя заслуга.

– Не понимаю. Я создаю мир вокруг себя, но не я на него влияю. Чушь какая-то!

– И вовсе не чушь, а очень даже просто. У нас с тобой два автономных мира, никак не зависящих один от другого. Но сейчас я являюсь частью твоего, потому что тебе это нужно. Ты так решил. Понимаешь?

«Боже, – взмолился я. – Как же все сложно!»

– Не заморачивайся. Можешь просто считать, что я всего лишь актеришка из пьесы, автором и режиссером которой являешься ты – вот и все. Большого и знать не обязательно.

– И зачем Вы нужны в моей пьесе? Какую роль играете? – вполне резонно спросил я.

– А это, мой друг воин, тебе лучше знать, – как всегда, уклончиво, ответил аксакал. – Спрашивай! Ведь именно для этого я здесь. Ты спрашиваешь, я отвечаю – такие правила игры?!

Немного подумав, я выбрал из огромного списка вопросов один из главных. Помедлив, я спросил:

– Я умер?

Очередной вздох усталости.

– Мимо, воин, опять мимо. Не те вопросы!

– А какие вопросы я должен задавать?! Я спрашиваю то, что меня волнует и интересует. Если у Вас нет ответа, так и скажите. И нечего тут... Это же, в конце концов, мой мир, а значит, и вопросы здесь задаю я!

Вычислив странную манеру старика разговаривать, я попытался хоть как-то к ней привыкнуть. Но до конца не реагировать, не злиться на него у меня так и не получалось.

– Дело, конечно, твое, – противно согласился он, – но подумай сам, что тебе даст мой ответ? Ведь это будет мой ответ на твой вопрос! И с чего ты взял, что он будет верен для тебя?

«Загадки. Сплошные головоломки.»

– Если тебя это устроит, – продолжил старик, – тогда отвечу: «Да – ты умер».

Я прислушался к себе, но ожидаемых эмоций не нашел – ни истерики, ни обмороков, ни даже маленького страха. Уж как-то все легко и просто. Я так боялся признаться себе в этом, а тут Бах! – все выясняется! Однако откровение это особо не волнует. Может быть, и вправду, то был не мой ответ?

– Если я умер, почему же тогда не помню своей жизни? Почему не знаю, кто я? Или, может, все в загробном мире забывают земную жизнь?

Старик улыбнулся – на этот раз без ехидства. Казалось, он на самом деле весьма доволен:

– А вот это уже правильные вопросы. Молодец, воин! – похвалил он. – Всегда одной из самых сложных, но и важных задач, задач было умение задавать те вопросы. По сложности это сравнимо разве что с выбором правильного направления.

– И?

– Нет, и в самом деле, почему ты не помнишь минувшей жизни? Я свою – помню, а ты – нет. Почему?

– Почему? – задумался я. – По... Че... Му...

– Не переусердствуй с умозаключениями, а то сейчас кое-что важное упустишь.

– Важное? – не совсем понял я.

– Да, главное.

Я быстренько припомнил последние фразы, но ничего толком не уловил.

– Не знаю, – пожал я плечами. – В голове пусто.

– Подумай! У меня есть прошлое, у тебя – нет. Придя в этот мир, я наткнулся на это здание, а ты помнишь себя сразу в вагоне проводником. Ну?

Хотя он и пытался натолкнуть меня на мысль, но у меня не получалось увидеть «важное». Старик обреченно вздохнул:

– Какой же ты тупица! Если мы приходим в этот мир в разных ипостасях, с разными возможностями, значит, у нас разные цели, и уж тем более, задачи тоже разные.

– Задачи?

– Конечно! – старец эмоционально всплеснул руками. – А ты, небось, думал: на том свете все должно быть понятно, справедливо, размеренно и завершено? Ан нет! Надо, оказывается, еще и шевелиться, делать что-то.

Старик замолчал, давая возможность поразмыслить, кое-что понять. И не зря! Кажется, соображалка завертелась в правильном направлении!

Раньше я считал свои постоянные «удивления» чем-то естественным и нормальным. Много поражало воображение, казалось странным, ко многому приходилось привыкать. И, наоборот, – многое было само собой разумеющимся. То есть, проще говоря, внутри уже было представление о том, каким должен быть правильный, привычный мир. А откуда я мог взять какое-то представление о «правильности – неправильности» миро устройства? Только из своей жизни, начисто изгладившейся из памяти!

Значит, когда-то меня окружал мир, где вагоны обязательно тянет локомотив, а в холодильнике продукты не появляются сами по себе, да к тому же еще и горячими. Именно из-за того, что мир поезда не вмещался в понимание привычного, я и сделал вывод (хотя так и не признался себе в этом), что нахожусь в ирреальном мире – то есть в мире с принципами и законами совершенно непривычными и даже противоречащими логике и здравому смыслу. Проще говоря, вывод, что я умер и ныне катаюсь в загробном составе по загробным же землям, напрашивался сам собой.

Действительно, правдой является то, что мы ею считаем. Если бы я попал после этого мира в мир живых, то, вполне вероятно, думал бы, что умер – ведь там все было бы непривычно.

Я улыбнулся этой относительности, еще раз удивляясь, насколько все запутано. Слишком запутано!

Вещий старец вдруг сильно закашлялся. Ему пришлось согнуться, дабы конвульсии, сжимающие легкие, отступили. Когда приступ прошел, он вновь невозмутимо оперся о стену, продолжая беседу.

– Твое прошлое – вот основная загадка и ключ ко всему. Если хочешь открыть ту самую дверь, тебе наверняка придется любыми способами восполнить пробел прошлого. Тебя явно за что-то его лишили.

– Наказание? – догадался я.

– Нет-нет, что ты! Здесь никто никого не наказывает. Я, правда, точно не знаю, кому и зачем нужно, чтобы каждый в этом мире решил свою головоломку, но уверен, это – не наказание. Скорее всего, нам именно так оставляют задачи-маячки, в процессе решения которых мы сможем отыскать путь к двери.

– Хлебные крошки? – больше всего предположение старика походило на сказку про Гензеля и Гретель.

– Скорее, нить Ариадны – путеводная нить, потому что крошки могут быть съедены воронами, без шансов найти выход, а наши задачи никуда не денутся и будут вести нас, пока мы их не решим все до единой.

– Чтобы Вы ни говорили, все равно лишение памяти больше похоже на наказание.

– Ты ошибаешься, – помотал головой старик. – У меня было достаточно возможностей, чтобы поразмыслить над разницей между уроком и наказанием. Поэтому с такой уверенностью и говорю, что нам преподается урок с единственной целью: научить чему-то. Скорее всего, при жизни мы что-то не решили или нарушили какие-то правила. Теперь каждому из нас предложена возможность это изменить и лишь затем двигаться дальше. Здесь нужно завершить все, что не смогли завершить там. Я так думаю.

– Завершить? – мысли, осознание, освобождение... Теперь, кажется, все становилось на свои места. Хотя я внутренне и сопротивлялся, но ощущение правдивости услышанного затмевало все сомнения.

– Наши упущенные шансы, – продолжил старик, – недосказанные слова, нереализованные желания или несовершенные поступки никуда не уходят, дожидаясь, когда кто-нибудь, наконец-то, поставит за ними точку. И даже когда придет Конец Времен, и ВСЕ обратится в НИЧТО, останутся лишь наши незавершенности, одиноко болтающиеся в пустоте, в бесконечном ожидании. И именно здесь тебе дан шанс хотя бы раз добраться до конца и увидеть, что находится дальше.

Или же бесконечно трястись по железной дороге.

Слова старика меня явно зацепили. Кажется, не было произнесено ни единого звука, к которому хотелось бы придаться.

– Значит, от меня требуется найти свое прошлое. И как же это сделать?

– Я же сказал: иди за своими желаниями и чувствами. Только так ты сможешь прийти, куда нужно. Тем более, что теперь ты знаешь – этот мир твой, а, значит, он улавливает каждый флюид твоих настроений и мыслей. Все не так уж сложно.

– А-а, можно вопрос? – замаялся я, не зная, как подступиться.

– Ты спрашиваешь, я отвечаю. Таковы правила игры.

– Дело в том, что вопрос не про меня. В общем... А какие задачи у Вас? Если Вы столько знаете, почему сидите в этом ужасном месте совсем один?

Лишь стоило задать вопрос, как старик отстранил голову от стены и впервые разомкнул веки, уставившись на меня абсолютно белыми слепыми зрачками.

По телу мгновенно растекся страх.

Я неправильно выразился – зрачки у старца отсутствовали вовсе. Это и впрямь страшно: когда на тебя смотрят, а зрачков... Нет!

– Испугался? – заботливо, явно стараясь казаться дружелюбным, спросил старик, так и не отвернувшись. Наверное, он хотел, чтобы я привык к нему... Такому. Я, как замороженный, не отрываясь, таращился в белый кошмар.

– Скорее, непривычно, – соврал я, хотя дрожь в голосе не могла утаить чувств, заставляющих мышцы каменеть, а сердце бешено колотиться.

– Страшно-страшно. Вижу, – ответил он за меня.

– А можно спросить еще? – стараясь перебороть страх, выдавил я из себя.

– Ты теперь каждый раз, прежде чем задать вопрос, будешь спрашивать разрешения? Тогда я тебе наперед разрешаю. Спрашивай!

Я замолчал, стараясь понять, обиделся старик или забавляется со мной, но так толком и не придя к определенному выводу, больше не стал медлить:

– Вы можете видеть?

– Видеть? – в своей манере переспросил старец, и наконец-то отвернулся, вновь взявшись за свою палку, помогая костру догореть как можно быстрее. Почти все угольки угасли, и комната почти не освещалась.

Будто только сейчас заметив это, он сказал:

– В углу лежат дрова. Подкинь их в костер, пока он окончательно не потух.

И, действительно, в одном из углов была навалена куча каких-то палок. Я поднялся и подошел к ним. Почему-то подумалось: на месте этой свалки когда-то стояла большая белая кровать.

Куча состояла из разобранной и разбитой на части мебели. Без труда можно было различить ножки столов и стульев, ручки кресел, картинные и выдранные «с корнем» оконные рамы. Этот хлам занимал весь угол.

Пока я тщательно подбирал, что сжечь, а затем пытался раздуть огонь, старик начал рассказывать.

То, что это его история, а не очередная короткая фраза в несколько предложений и не философская загадка, которыми он предпочитал изъясняться, стало понятно по интонации. Интонации личной истории. Он вещал, словно нес драгоценность, от которой зависела его жизнь.

– Вижу я хорошо. Все вижу, но не совсем так, как, например, ты. Как бы это объяснить? – задумался старик. – Я не вижу объемно, в цвете, не вижу материю. А вижу, из чего состоит человек или предметы, возникающие передо мной. Если говорить еще точнее, то я вижу вопросы.

– Вопросы? – не понял я.

– Да, самые обычные вопросы. Если взять тебя, то сейчас ты сплошь напичкан непониманием, удивлением и ощущением потерянности, а все это создает вопросы. Очень много. Вот их-то я и вижу – они сами всплывают у меня в голове. Причем многие из них ты даже не успеваешь осознать: один возникает – и сразу же на его место приходит другой, более важный, более сложный. И так все время. Вот и получается, что я тебя знаю даже лучше, чем ты сам себя. Ведь человек – это то, какого качества и уровня сложности вопросы он себе задает.

– А предметы? Ведь Вы сказали, что и их видите тоже?

– Конечно, вижу, – ухмыльнулся старец, не отрывая пустого взгляда от вновь разгоревшегося огня. – Ты что думаешь, вещи и природа не задают себе вопросов?! Еще как задают! Зачастую даже поинтереснее и поважнее, чем некоторые из людей!

Он потревожил горящие палки. Костер возмущенно выплюнул искры.

– Именно так я и узнаю, кто или что передо мной. Поверь, это не хуже, чем иметь глаза.

– Откуда Вы знаете, что лучше? Или Вы помните из земной жизни, каково это – видеть глазами?

– А с чего ты взял, что, попав сюда, я не мог нормально видеть?

Старик ослеп уже здесь?! Но как такое может быть?!

– Когда я перешел в этот мир, у меня были зрачки. Я до сих пор помню, как перед глазами бесконечно долго мелькала эта чертова трава в Поле Отчаянья. Когда я смирился с тем, что не выберусь оттуда, вдруг мой путь оборвался, и впереди возникло прекраснейшее здание из всех, что мне доводилось видеть. Впоследствии оно стало моим домом.

Что?! И вот эту развалюху он называет «прекраснейшим зданием»? Чушь какая-то!

Я внимательно слушал, полностью погрузившись в повествование. Лишь проигрыватель, издавая непонятные звуки, возвращал меня в холодную, темную каморку.

Старик направил в мою сторону пустые белки глаз и я, не желая вновь видеть это, стал особо усердно наблюдать за огнем.

– Вопросы во мне. Помни, что я вижу ими! Когда-то очень давно «эта развалюха» была прекрасным зданием. Очень давно.

От последних слов старика меня почему-то передернуло, мороз прошелся по коже и подступила тошнота. У меня не получается понять смысл этой фразы. «Очень давно» – что бы это могло значить? Я только сейчас заметил, что эти два слова словно бы провалились под лед сознания, исчезли где-то на полпути к их пониманию. «Очень давно?»

– ...Это было прекрасное строение. Фасад отделан красной штукатуркой и декоративным камнем. На чердаке располагалась комната со стеклянной крышей – можно было любоваться небом или дождем. Остальное было словно придумано сказочником. Красная черепица смотрелась умопомрачительно. Одна из стен была полностью покрыта декоративным виноградом, только окна проглядывали. А внутри... Внутри здание сплошь наполнялось изысканной роскошью. Эти ковры, вазы, картины, эта мебель и даже обои из королевского шелка.

Казалось, что старик вот-вот заплачет – его голос дрожал, а слова произносил сбивчиво. Приходилось прислушиваться.

– И что же... – решил я немного подтолкнуть его. – Что случилось со всем этим? Из-за чего такая красота превратилась в руины?

Старик горько покачал головой, и уже в следующий момент словно бы лишился последних сил – тело обмякло, спина сгорбилась и, если бы не прикрывающая лицо рука, он бы завалился вперед, как потерявшая опору тряпичная кукла.

Может, старик и плакал, но всхлипов не было слышно. Он просто тяжело и глубоко дышал, словно воздух с трудом проникал в его легкие.

– Это все из-за моих вопросов! Именно из-за них мой чудесный оазис превратился в грязную лужу. Мои вопросы.

– Еще при жизни моим главным бичом стала склонность все анализировать, представлять, «как могло бы быть по-другому, если бы не...» или размышлять о том, «что на самом деле значили сказанные кем-то слова». Бесконечные «если бы?», «как?», «а вдруг?», «может быть?» преследовали всю жизнь. С возрастом все больше сожалений ненужным грузом скапливалось внутри. И все больше моего настоящего тратилось на вопросы прошлого – минувшие заслуги и неудачи. Минувшее стало моим настоящим, моим приютом и обителью. Стариком я целые дни мог посвящать прошлому и оставшимся там вопросам.

– Даже когда я почувствовал, что смерть схватила меня за больное сердце, чтобы болью вырвать его из груди, в голове возник лишь вопрос: «А мог ли я прожить иначе?»

Попав в этот мир и найдя прекрасное здание – дом моей мечты, где собраны все блага, о которых можно только мечтать, – я, фактически, стал его духом. Нет... Хранителем! Мы проросли друг в друга, как души – в любви. Это был идеальный союз. Я наслаждался, я упивался чувством причастности к чему-то прекрасному. Несомненно, архитектором и строителем этого чуда был я сам – здание выросло из моего воображения точно так же, как стук колес – из твоего. Я был так восхищен, так одурманен, что не смог заметить ловушку, глупо подстроенную самому себе.

– Понимаешь ли. Это было безупречное место, чтобы вспоминать и задавать вопросы. Здание полностью обслуживало меня, оно удовлетворяло все мои потребности так, что мне ничего не оставалось делать, кроме как по привычке предаваться воспоминаниям, перебирать прошлое, словно пальцами – четки.

Все вернулось на круги своя. Что этот мир, что тот – какая разница? Я гнил в минувших событиях и их возможных вариантах. Я съедал настоящее по крупицам, каждый раз задавая вопрос: «А что, если...»

– Однажды я просто осознал, что больше не вижу. «Ослеп!!!» – по инерции перепугался я, потому что когда человек слепнет, он должен испугаться. Но затем я задал себе пару вопросов и понял: в принципе ничего страшного не произошло. Нет, и в самом деле, а что случилось? Так или иначе – мой взор всегда был направлен куда-то внутрь себя – туда, где аккуратными стопками складировано прошлое.

– Глаза нужны, чтобы постоянно смотреть вокруг и эффективно жить в окружающем мире, а я постоянно отсутствовал в нем. Вот тело и избавилось от ненужного органа, словно выбросило за ненадобностью старую игрушку.

– А здание... Оно ведь неразрывно со мной. Оно и есть я. Хочешь, скажу, на что оно похоже?! Бьюсь об заклад, сейчас мой дом представляет собой огромную помойку. Откуда я это знаю? Очень просто – что у меня внутри, то и снаружи. Большущая помойка! Еще чуть-чуть – и жалкие остатки чего-то, что когда-то было моим домом, а сейчас просто здание, где я существую, превратится в прах. Я чувствую, как понемногу ухожу отсюда. А с моим уходом исчезнет и мой мир.

– Мне страшно. Я устал. – Вздохнул старик. – Даже представить сложно, что может находиться дальше загробного мира. Ничто? Пустота? Ну да ладно. О том, что будет потом, я думать не привык.

И умолк.

Нужно ли что-то сказать старику? Как-то его поддержать или предложить помощь? Вряд ли. Он не просил ни о никакой помощи. Да и смог ли бы я ему что-то дать? Поэтому я молчал. Просто так, погруженный в свои мысли, я мог лишь ощущать ту дикую, безнадежную усталость, что уже очень давно он взвалил на свои плечи.

Оставалось неясно одно:

– Если мы умерли, то почему до сих пор зависим от тела? Разве тело не остается «внизу» питать землю? Если есть тело, значит, его можно и уничтожить, так как есть, что уничтожить. А жажда? А голод? А холод и...

– ...Жара, – перебил меня старик. Он глубоко и громко вздохнул, затем так же громко и протяжно выдохнул, будто поставил многоточие. После чего из своей полной бессилия позы вспомнил о привычной роли опоры для стены. – Все это не больше, чем память и привычка жить. Навыки тела. Ты помнишь холод, поэтому мерзнешь, поэтому тебе нужна теплая одежда. Ты знаешь, что такое наслаждение вкусом, поэтому хочешь есть. Глаза, уши, и нос – все это существует в твоём мире только как воспоминание.

Но не обольщайся: твоё нынешнее состояние только прикинулось Вечностью. Не поспешив найти выход, совсем скоро забудешь, что такое голод и жажда, затем лишишься потребности спать, дышать. Затем притупится боль. Когда исчезнет она – знай: ты подошел к пределу, за которым или выход, или ничто. Ориентируйся на свои ощущения как на индикаторы.

– Но зачем вообще нужна эта привы... – я даже не успел задать вопрос, как старик почувствовал его и смог ответить.

– Затем, что без «привычки жить», без прошлого не станет и мира вокруг тебя – просто потому, что не из чего будет его строить. Каждая молекула этого мира родилась из воображения местных обитателей. Именно потому все здесь, переполнено абсурдом – ведь ты столкнешься с оголенными, без масок, душами других людей, с их сутью в чистом виде. Все это может шокировать.

Дабы не потерять из виду цель, помни – несмотря на кажущийся сумбур, этот мир подчинен тем же законам, что и более привычный – мир живых. По сути, здесь – всего лишь сюрреалистичное отражение там. И законы у нас те же.

– Например? – я не совсем понимал, почему старец вдруг снова стал философствовать.

– Например, в том мире существует такой закон – чтобы не остаться должным, за все нужно платить. Если хочешь что-нибудь получить, нужно что-нибудь отдать.

– Или если еще проще. Я – миру, мир – мне, – наконец-таки понял я.

– Вот именно!

– И что я теперь должен за разговор с Вами?

Слепец засмеялся:

– Молодец! – в очередной раз похвалил он меня. – Быстро соображаешь. Только вот цену ты назначаешь сам – это же твой мир, не забывай. А сполна ли расплатился, поймешь потом. Если цена была достойной – мир ничего у тебя отбирать не станет.

– Вы помогли понять многое. Теперь моя очередь помочь, а заодно и расплатиться. Чем могу быть полезен?

Но старик все равно не желал облегчать мой удел.

– Думай абстрактно, включай воображение, встань на мое место и реши, чего бы я хотел.

Чего же он хочет? Чего жаждет человек, доведший свою жизнь и даже свою смерть до такого состояния? Вернуть все как было? Выбраться отсюда?

– Чтобы усталость поскорее прошла, – раздался голос слепого старика, – невыносимая усталость.

«Включай воображение!»

Я дотянулся до рюкзака и, порывшись немного, нащупал искомое. Протянув деду «случайно» прихваченный с собой компакт-диск, услышал просьбу:

– Включи, пожалуйста.

Осмотрев бумбокс, я понял, что играло радио. Хотя совершенно непонятно, каким образом – место для батареек было пусто, шнура не было. Открыв крышку, вставил диск, нажал кнопку «плей» и сделал погромче.

Сначала из динамиков раздался женский голос, быстро проговаривающий непонятные слова, и лишь затем послышалось сочетание фортепьяно и тарелок – сочетание Tides-s. По-то-о-ки, направления, течения.

Слепой до самого конца мелодии внимательно вслушивался в каждый льющийся из динамиков звук, в каждую ноту, заливающую комнату ощущением жизни. Ощущением движения. Потока.

Лишь когда мелодия сникла окончательно, дед протянул к магнитофону руку и на ощупь нашел кнопку «стоп».

– Мы с тобой в расчете, – как показалось, с новой интонацией умиротворения прошестел старик. – Чтобы окончательно погрузиться в себя, не хватало лишь хорошей мелодии. Эту безвкусицу, что выплевывал проигрыватель и музыкой-то назвать нельзя. Как же она раздражала. Вот уж где, действительно, наказание! Именно раздражение держало меня здесь. Я больше не хочу находиться в этой разрухе. Хочу уйти в себя, где я молод, свободен и жив. Спасибо.

В ответ я лишь кивнул. Хотелось отдать бедняге больше, но, кажется, большего ему и не требовалось.

– А теперь иди. Не мешай слушать музыку, – прервал мои размышления слепец.

– Но... – попытался я возразить. Было еще о чем спросить. Он не мог об этом не знать.

– Дальше все вопросы ты сможешь задать себе и постепенно отвечать на них, следуя к цели. Иди!

Сам не знаю почему, я ужасно расстроился – уходить совсем не хотелось. Но и оставаться здесь больше не было смысла. Ведь у меня действительно появилась настоящая цель. Старец сдержал обещание.

– Спасибо, – настала моя очередь благодарить.

Вместо ответа он лишь вяло кивнул. Казалось, этот иссохший, одинокий человек растворяется в воздухе прямо на глазах. И в комнате его оставалось все меньше и меньше.

– Тебе не хватает прошлого – у тебя его попросту отобрали. Дабы обрести настоящее, ты должен найти прошлое, – еле слышно шептал старик. – Запомни: главная задача каждого в этом мире – найти себя через недостающие фрагменты. Лишь закончив мозаику, ты сможешь открыть свою дверь. Или ты сделаешь это, или мир поглотит тебя, растворив без следа. Точно так же, как это произошло со мной. «Кто я?» – ответ на этот вопрос. Пусть он станет для тебя главной задачей. «Кто я?» – вот твоя нить Ариадны.

Слепой больше не шевелился. Показалось, именно сейчас он уходил все дальше от этой грязной, разом опустевшей без него комнаты туда, где «молодость, свобода и жизнь».

Я встал. Каждый шаг давался с трудом. А в голове заевшей пластинкой кружились слова старика: «Смерть хороша тем, что дает человеку безупречную свободу, ограниченную только лишь собственными стереотипами и выбором. Смерть хороша тем...»

Обернувшись, кинул последний взгляд на старца. Он улыбался, блуждая в прошлом, которого у меня нет, но будет. Обязательно будет.

Лишь стоило выйти в другую комнату, как под ногами опять захрустел, зашуршал мусор. Осторожно ступая, я прошел к выходу, но не удержался и снова оглянулся. Отблески костра, танцующие тени на полу. Словно ничего и не изменилось. Словно не было разговора и самого деда. Хотя... Что-то неуловимое пропало и больше уже не вернется никогда.

Я достал фонарь из бокового кармана и включил его, чтобы смело шагнуть во мглу. Обволакивающий мрак лишь подтвердил догадки: когда я сюда пришел, само здание, вторя усталости своего хозяина, с каждым сделанным им вдохом разрушалось все сильнее. А ныне оно замерло, прислушиваясь к чему-то новому, непонятному, зарождавшемуся в душе слепца под мелодию «Тайдс».

Предстояло вернуться к поезду. Стоило лишь подумать, что вновь придется столкнуться с этим чертовым Полем Отчаянья, как меня затрясло и к горлу подступила тошнота. Только не это! Должен же быть другой выход!

Как сказал мудрец, исток всего – воображение. Значит, другой путь – в обход поля, а не сквозь него – наверняка существует. Нужно его только суметь увидеть. Но как?!

Тут меня осенило! Кажется, он что-то говорил о стеклянной крыше на чердаке! Да и просто выход на самую крышу подойдет! Если удастся подняться и тьма окажется разбавленной светом луны, то (вполне возможно) получится увидеть, где стоит поезд и выбрать верное направление. А если повезет – то и проложенную через поле дорогу.

Светя фонариком под ногами, доверившись интуиции, я стал пробираться сквозь комнаты и залы по направлению к лестничной площадке. Это оказалось совсем несложно – ноги вели сами.

Добравшись до пункта назначения, я понял, что мне повезло намного больше, чем мог рассчитывать: все лестницы до самого верха уцелели. Но все равно ступать старался очень аккуратно, проверяя каждую ступень на прочность.

Поднявшись на пятый этаж, рядом с пролетом я обнаружил комнату, вход куда был прикрыт сорванной с петель дверью, лишь частично прикрывающей проем. Стоило немного помочь двери, как она с готовностью рухнула на пол, разлетевшись в щепки.

От самого входа помещение было завалено какой-то непонятной субстанцией. Смесь земли, глины, битого кирпича, песка и разного мусора единой зыбкой горой возвышалась до самого потолка с зияющей прямоугольной дырой. Судя по всему, это и был проход на чердак.

Вознамерившись подняться по всему этому хламу, я думал, что особые усилия не понадобятся. Однако, уже первые несколько движений показали, насколько я ошибался – два шага вперед, три назад. Единственная опора – более-менее крупные куски кирпичей и труб. Правой рукой я держался, чтобы не сползти вниз, а левой держал фонарь, поэтому дотянуться до следующего выступа оказалось просто невозможно. Настоящий альпинизм!

Съехав в очередной раз к самому подножью неприступной горы и немного поразмыслив, я решил, во-первых, осветив ее, постараться запомнить каждый брусок-опору; во-вторых, спрятать фонарь, чтобы освободить руки; в-третьих, уже полностью подготовленным начать восхождение на этот «Эверест».

Хорошенько разбежавшись (насколько возможно), я прыгнул и преодолел, как мне показалось, меньше половины мусорной груды. Тело отдало резкой болью в правом боку и тут же сползло вниз. Я как можно скорее стал шарить руками по сторонам. Иначе еще чуть-чуть – и я снова окажусь внизу. Наконец, опора была найдена.

То ли камень, то ли кусок кирпича накрепко увяз в куче. Не упуская шанса, я подтянулся и охватил его другой рукой. Так и завис, тяжело и глубоко дыша, будто я не валяюсь брюхом на скопище строительного мусора, а болтаюсь над бездонной пропастью.

Честно сказать, я даже не был уверен, стою ли на месте или двигаюсь вниз. А может, завис в десяти сантиметрах от пола и чувствую себя героем. Меня окружал абсолютный мрак.

Не знал, что добраться до чердака так сложно. Но я готов постараться. Что угодно, лишь бы не Поле!

Уткнувшись щекой в слитную массу, я застыл в неудобной и нелепой позе, чувствуя всем телом абсурдность своего положения.

Хотя опустевший рюкзак был почти невесом, руки, начиная неметь, ощущали тяжесть, тянувшую вниз – пора двигаться дальше. Я начал искать ногами новую опору, которая оказалась совсем рядом. Оперся, оттолкнулся, нашел рукой еще один выступ. Так потихоньку я продвигался вверх, пока, наконец, не осознал, что ладони цепляются за что-то гладкое и длинное. Проем! А там уже – дело техники – сделать последний рывок и, скинув рюкзак, повалиться на ледяной бетонный пол.

Я на чердаке!

Сколько сил у меня забрали эти четыре-пять метров?! Теперь другая дорога должна... Нет, просто обязана найтись! Иначе это будет нечестно – столько сил впустую.

Отдышавшись, я сел, подтянул к себе рюкзак, достал фонарик и, направляя луч в разные стороны, начал осматривать чердак. По сути, это оказался всего лишь еще один этаж. Разве что высота стен не пять метров (как на нижних этажах), а всего два с половиной. А еще здесь намного холодней.

Я находился в длинном коридоре. Влево и вправо расходились комнаты. Большинство из проемов были лишены дверей.

Захотелось очиститься от налипшей грязи. Однако, поднявшись и внимательно осмотрев себя, к своему удивлению, обнаружил, что одежда не грязнее, чем раньше. Не знаю, что это – не пачкающая грязь или самоочищающаяся одежда? Подивлюсь потом. Сейчас есть задача важнее – выбраться.

Что ж, пора искать выход на крышу или стеклянный свод.

К счастью, ничего искать не пришлось – зайдя в первую подвернувшуюся дверь, я сразу понял, что попал «по адресу». Точно такая же комната, какие были внизу: такая же тьма, такая

же грязь. Разве что вместо привычного бетона потолок состоял из поделенного на квадраты стекла, опирающегося на тонкие деревянные рамы.

Правда, сквозь стекла не проникала и толика света, а значит, луны, похоже, не было. Однако шанс выбраться на крышу и разглядеть обходную тропу еще оставался – возможно, стекла просто сильно заляпаны грязью или сверху на них что-нибудь поставили. А, может, и то, и другое.

Я протянул руку, прикоснулся к стеклу и сразу же отдернул ее – кончики пальцев обожгло льдом. Неужели на улице так холодно?!

Вот почему свет не проникал сюда – его скрывала ледяная кора. Это догадка ободряла. Значит, еще не все потеряно!

В россыпях мусора я высветил подходящий брусок. Поднял его, затем встал в дверном проеме и с силой швырнул в стекло, и... Никакого результата – оно даже не треснуло. Я решил повторить попытку.

Взмах. Брус летит в стекло, и... Опять ровным счетом ничего. Еще!!!

Когда я наклонился за улетевшей к стене деревяшкой, надо мной раздался треск. Хватило мгновения, чтобы понять – такой звук может издавать только лишь расползающаяся по стеклу трещина. На меня обрушился ливень из битого стекла и еще чего-то тяжелого и очень холодного. Все та же темнота теперь со всех сторон обволакивала, словно кокон, не давая ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Я висел в пустоте, заваленный отовсюду снегом. Лицо и руки горели от холода. Внутри зарождался страх.

«А вдруг надо мною – тонны снега?! – пел ужас. – Как я справлюсь? А вдруг застряну?! А вдруг.»

С паникой в одночасье справиться не удалось. Перспектива навечно остаться под завалами снега убивала любую попытку успокоения.

«Что делать?! Как быть?!» – я судорожно пытался найти выход, хватаясь за каждый вариант. Только вот думать под снежным завалом не очень-то получалось.

«Вечность. Вечность. Вечно оставаться на одном месте, никуда не двигаясь, ничего не решая. Нет проблем и забот – чем не выбор? – шептал в голове спокойный голос, как две капли воды похожий на мой. – И даже холод забудется и перестанет тревожить. Ведь это всего лишь привычка. Привычка жить...»

Подумалось: «И впрямь, а чем не выбор?»

Я вдруг увидел... Или, скорее, даже не увидел, а очень четко ощутил, что слепой солгал – я не единственный, кроме него, кто добрался до этого дома. Еще сотни, а, может, и тысячи таких же затерянных среди странных миров людей зависли в неподвижном снегу, выбрав забвение вместо пути. Видимо, снег – точно такое же испытание для терзающейся души, как и Поле Отчаянья. Наверняка, кто-то нашел в этой ледяной горнице то, что искал, чего хотел, и решил остаться здесь навсегда.

Нужна ли мне спокойная вечность? Нет! Я слишком любопытен для этого. Слишком хочется найти свое прошлое и узнать, что дальше.

Когда я принял решение, леденящий страх ушел, и я снова стал чувствовать себя... Холод... Усталость... И ноющую боль. Оказалось, что я все еще чуть выше головы держу в правой руке тот самый брусок. Поднапрягшись, смог чуть приподнять руку с грузом еще выше, затем – еще немного. Я использовал деревяшку, чтобы понять как много снега сверху, как глубоко я увяз.

Выпрямив руку, ощутил, что деревяшке уже ничего не мешает ползти вверх. А это могло значить лишь одно – слой снега надо мной меньше полутора метров. Не так уж и много для «вечной колыбели».

Словно змея, я стал извиваться всем телом, стараясь очистить пространство вокруг себя. Не скажу, что это давалось легко. Уже совсем скоро все мышцы заныли, требуя перерыва. Но я упрямо не хотел останавливаться.

Освободившееся место быстро заполнялось сугробами. Но я двигался, трамбуя белую крупу все плотней и плотней, а она все сыпала и сыпала. Пока я вдруг не понял, что могу видеть снег – сюда проникали крохи света!

Осталось совсем немного – и я, наконец-таки, выкарабкался на животе из этой гробницы.

Почему подниматься так тяжело? Отчего постоянно приходится ползти вверх, преодолевая себя? Легче, конечно, было бы остаться на месте. Но, выбрав движение, я уверен – не ошибся.

Я глубоко дышал, стараясь насытиться студеным, льдистым, воздухом.

Кругом – тьма. Только за счет редких проблесков света, сочащегося сквозь спутанные ветви исполинских деревьев, можно было кое-что разглядеть.

Несомненно, я в том самом царстве льда и снега, открывшегося с другой стороны поезда. Кажется, обнаружив зимний лес, я решил, что здесь делать нечего. Но МИР, видимо, считает иначе.

Стараясь понять, где я и куда теперь следует двигаться, в какой стороне состав, я внимательно глядел по сторонам. Повсюду – бескрайняя однообразная чаща: куда ни иди, везде одно и то же. А смогу ли я вообще двинуться? А вдруг, стоит лишь подняться с колен, как ноги провалятся, крепко увязнув в снегу?

Тронул поверхность, по которой предстояло пройти неизвестно сколько. Сплошная промерзшая снежная корка, трансмутировавшая в ледяной каток. Предусмотрительно отодвинувшись от ямы, откуда едва выкарабкался, попробовал встать. Все получилось: корка льда крепко держала мой вес. Вдох облегчения. Кому же захочется вместо осторожных шагов ползти на животе, боясь опять оказаться погребенным под снегом?

Место, откуда я выбрался, больше всего напоминало ветхий склеп. Лишь кое-где проглядывали куски бетонных стен и остатки некогда цельной стеклянной крыши.

Даже представить сейчас не могу, что подо мной может находиться такое огромное здание, окруженное благодатной осенней ночью. Слишком тяжело все это. Даже думать не хочется! Видимо, искривления и изменения пространства, с которыми я столкнулся, и есть результат того самого взаимодействия миров, о которых говорил старец.

Я полез в рюкзак за фонарем, но вспомнил, что он остался там, внизу, под снежным завалом. Проклятие!

А теперь главный вопрос – куда идти?

Немного поразмыслив, решил для начала выбраться из мглы к свету, что (вкуче с кронами деревьев) показывал немое черно-белое кино на простынном экране снежного покрова. После этой крошечной темени влекло вперед именно желание зажмуриться от солнечных лучей. Здесь гармонично сосуществовали мрак и свет. Они делили пространство пополам, словно передо мной расстился не лес, а гигантская шахматная доска. А вместо фигур – деревья-колоссы.

Видимо, в окружении гигантов совершенно не ощущалось расстояние — в сравнении с ними все было мизерным. Чтобы получить каплю вожаделенного света, пришлось тащиться многие километры. Да и сама дорога оказалось не такой простой, как думалось. Подошвы постоянно скользили. Приходилось передвигаться помаленьку, стараясь не растянуться плашмя. К тому же ноги периодически да пробивали хрупкую ледяную корку и приходилось прикладывать усилия, выбираясь из лунок.

Но все же (худо-бедно), я шел вперед. Главное – двигался! А вот приближался или отдалялся от заветного поезда, шел ли верным путем – уже другой вопрос. Об этом даже не хотелось думать.

Я так и не добрался до света. Он сам нашел меня.

Тихо, почти беззвучно, в сплетенном из ветвей куполе, под тяжестью собственного веса, снег пробил дорогу к земле и обрушился.

Внезапно свет огненным мечом пронзил конструкцию из ветвей и снега, чтобы ослепить. Я зажмурился, а когда разомкнул веки, сияние окутывало меня. Теплые солнечные лучи ласкали лицо. А снег...

Я кружился на месте, наблюдая за сверкающими кристаллами, в макраме причудливых узоров. Как они застыли в неподвижности. Сделав несколько шагов, я глазам не поверил! Я шел, касаясь замерших в воздухе снежинок.

Пар изо рта говорил, что вокруг – холод. Но внутри было тепло и... Чисто, словно только что кто-то невидимый выгреб наружу все, захламляющие мысли: сомнения, страхи и слабости. Все чуждое осталось во мраке, где-то за гранью света.

Внутри струилась музыка. Я знал эту мелодию, но забыл. Фортепьяно. Быстрые переборы в такт волнам эмоций.

Взгляд направлен в никуда – вроде я смотрю вперед, сквозь красоту. Но на самом деле глубоко внутри я чутко улавливаю зарождающиеся и угасающие ощущения. Кажется, могу простоять вечность, погружаясь все глубже, если бы не...

Боковым зрением слева замечаю какое-то движение. В окружающей неподвижности это что-то, как крик в тишине, заставляет обратить внимание. Бросив взгляд в ту сторону, понимаю, что это луч. Кто-то светил фонарем, явно осматриваясь или что-то разыскивая в непроглядной темноте. Искусственный свет то блуждал по кронам деревьев, то резко падал на белоснежную гладь.

Люди!

Свет явился издали. Но, совершенно не думая о расстоянии и возможных неприятностях, я двинулся к появившейся надежде, неуклюже семеня по ледяной корке.

Когда луч так же неожиданно пропал, как и появился, сердце екнуло. Все сомнения и страхи дожидались в темноте, пока я выберусь из-под защиты солнца, чтобы накинуться с новой силой.

– Вперед! Двигайся! – твердил я себе, не обращая внимания на подступивший к горлу комок. Запомнив направление, где только что забрезжила надежда, я без отдыха шел туда. Откуда-то я знал: стоит лишь раз остановиться и дать слабину, как больше идти не смогу. «А вдруг люди уходят, и я не догоню их? Они ведь не станут ждать? У меня даже фонаря нет!» – сомнения мгновенно могли связать мою волю, сковав остатки сил.

Я обернулся, чтобы посмотреть, как далеко ушел от света. Между мной и ослепительным оазисом пролежала большая область мрака... Тьмы, которую я уже преодолел. И только сейчас, в окружении сумерек, стали понятны слова старца: «Если вдруг, выбрав Рай, ты захочешь пройти по темной стороне улицы, то уже не сможешь этого сделать, умея видеть только свет. И придется идти обходными путями или дожидаться, пока не станет светло, с каждым мгновением все больше отдаляя момент встречи с заветной дверью.»

Ни следов, ни людей я не нашел, но...

Я стоял прямо перед поездом: одиннадцать вагонов растянулись цепью. Стальные колеса наполовину утопали в снегу и обледенели, даже рельсов не видно. Открытая дверь звала

сорваться с места, чтобы в сумасшедшем восторге ринуться к теплу уютного и родного купе. Сквозь тамбур синело осеннее небо.

Кто же помог? Кто лучом фонаря проложил дорогу к затерянному в снегах составу? Ответ очевиден – это я сам светил из тамбура, удивленно созерцая стылую чашобу.

Что же... Это и есть моя смерть, где не только миры разных людей наслаиваются друг на друга, но и события следуют не прямо, а зигзагами и переплетениями?

Но, как бы то ни было, эти загадки я оставляю на потом. А сейчас я пришел. Добрался – уставший, промерзший до костей, но познавший главную цель и путь к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.